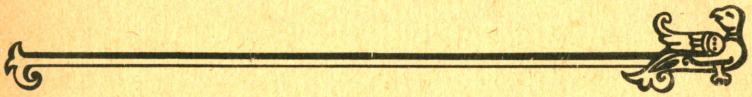
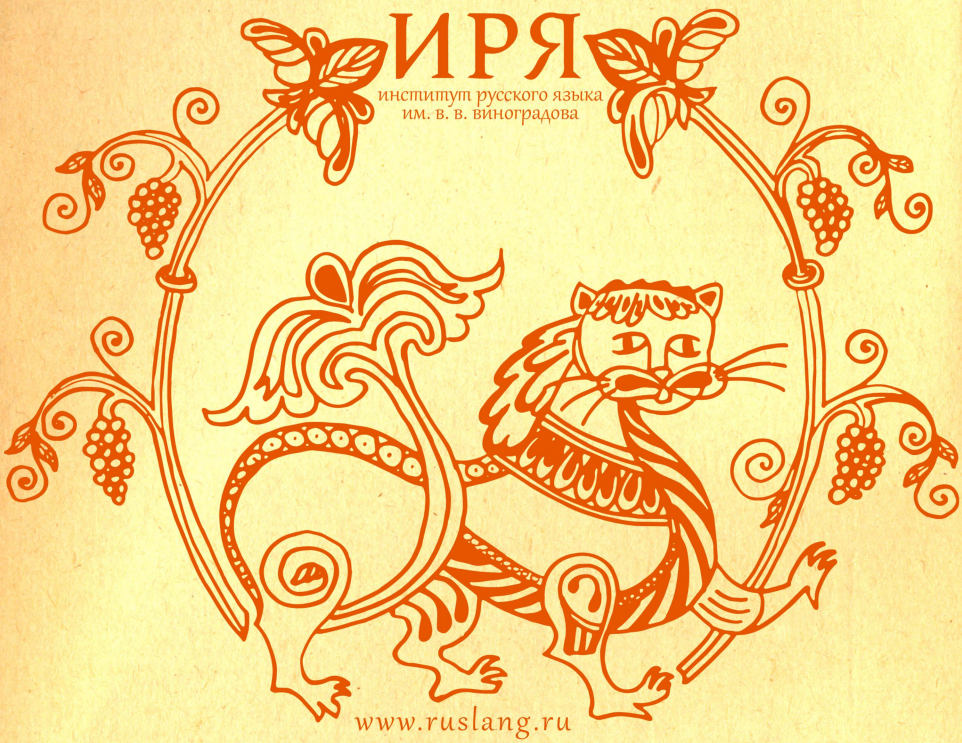
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ЛЕКСИКО-ЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

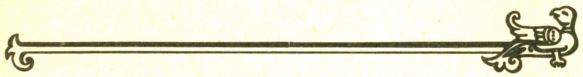
ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

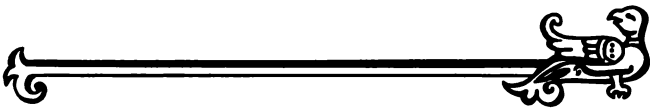
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ЛЕКСИКО-ЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЧАСТЬ 2

МОСКВА
1991

Социальные отношения. Социальные слои. Терминология

А.А. Алексеев

К ИСТОРИИ СЛОВА СОСЛОВИЕ В XVШ ВЕКЕ

В 1968 г. акад. В.В. Виноградов посвятил слову сословие заметку, в которой рассмотрел этимологию и семантику слова, привел ряд употреблений древнерусского периода, Петровской эпохи, а также в современном языке, начиная с Радищева [1]. Нужно ли думать, что Радищев использовал слово древнерусских памятников для выражения своих политических идей или же он имел в этом предшественников в XVШ в.? Ответ на этот вопрос может представляться важным не только в историко-языковом отношении, но также и потому, что именно в XVШ в. социальная структура московских чинов была заменена иерархией сословий [3, 278–279, 353, 363–364], и отражение этого события в общественном сознании не следует оставлять без внимания.

Отсутствие общепризнанной этимологии слова, как это отметил В.В. Виноградов, имеет, вероятно, ту причину, что для сословия греческими образцами могли служить и σύγκλητος , и σύλλογος Первая этимология (А. Преображенского) опирается на существование глагола словоу "зову, именую"[1], передающего греч. καλέω , вторая (М. Фасмера) допускает, что греч. σύλλογος в значении "сонм, собрание" возникло из συν + λόγος . Вернее, однако, было бы связывать σύλλογος с глаголом συλλέγω "собираю", так что точной передачей греч. σύλλογος оказывается именно слав. съборъ, собор, тогда как образование сословие говорит о том, что при калькировании была допущена ошибка в понимании греческого словообразования, и слово σύλλογος оказалось связано с корнем λέγω "говорю", λόγος "слово"[2]. На это уже обратил внимание из-

[1] Ср.: Не слови шьпьтникъ (Изб. 1076, л. 136), греч. μὴ κληθῇς φίθυρος . В Лексиконе Миклошича: Не позьва никого простымь именемь, но всѣхъ словляше зван емъ (из Пролога XIУ в.).

[2] Ср.: на съборѣхъ и на съходѣхъ (σύλλογος), по ркп. XI в. Гр. Назианзина (Срз., Ш, 647). Современная этимология возводит σύλλογος к συλλέγω , см.: Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Heidelberg-Paris, 1923, p. 563; Liddell H.G. & Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford, s.v. συλλογεύς.

вестный казанский востоковед Н.И. Ильминский. Указав, что названия богослужебных книг евхология, орология, минология, анфология передавались по-славянски молитвослов, часослов, месяцеслов, цветослов, он добавляет: "Надо заметить, что вторая половина в этих словах происходит не от λόγος "слово", но от λέγω в значении "собирать". Можно думать, что из этого же источника произошло сословие. На утрени седьмой недели по Пасхе находим: "канонъ святымъ отцемъ, его же краестрочіе: первое воспою сословие пастырей". В греческом: τὸν πρῶτον ὑμνῶ σύλλογον τῶν ποιμένων [2, 52]. В древних триодях этого акростиха и, таким образом, слова сословие нет: все это появляется в печатных никоновских текстах. Не случайно В.В. Виноградов связал появление слова сословие с эпохой II южнославянского влияния.

Случаи раннего употребления слова относятся к обозначению коллектива, а не коллекции, что понятно при внутренней форме слова "со-зва-ние". Значение κατάλογος появляется лишь в XVII в. Кроме употребления в словаре Памвы Берынды, приведенной В.В. Виноградовым, ср. также: "Сословие имен по аз веди святых сущих в святцах" (Гр-ка Смотрицкого, М., 1648, л. 361, аналогично в требниках XVII в.), "сословие литер" (Симони, 1899, 69). "Каталог сословие или согласие" (Алфавит иностр. речей. Ркп. БАН, арх. Д, № 446, л. 195). Последний пример показывает, что греч. κατάλογος возводилось к λόγος "слово", что проявилось в слав. соответствиях со-слов-ие, со-глас-ие.[1]

В первую половину XVII в. слово употреблял только Феофан Прокопович. Ср.: "Вы же, благороднейшее сословие, всякаго чина и сана, сынове Россійстіи, верностію и повиновением утешайте Государыню и матерь вашу" (Слова и речи, т. 2, 1672, с. 133); "Первыя власти начало и от человеческаго сословия и согласия происходит" (там же, т. I, с. 247); "Злобы человеческий понудили человек во един общества союз и сословие собратися (там же, т. III, 80); "Искуснее о сем разсудят высокоправительствующая сословия" (там же, т. II, 96); "Известнее взыскуется истинна соборным сословием, нежели единым лицем" (Духовный регламент, 1721, 2).

[1] Приставка со- может выступать эквивалентом греч. κατα-. Ср. в "Материалах" Срезневского: съборныи - καθολικός; съвоузы (= союзы) - κατάδεσμοι ; съложение - καταβολή ; съслезъ (= сходка) - κατάβασις.

Первый из приведенных примеров показывает выдержанную церковнославянскую семантику, но остальные говорят о том, что Феофан Прокопович вывел слово из круга традиционных контекстов. Ср. в статье В.В. Виноградова: честь апостольскаго сословия, постник сословие, мученическое сословие, священное съсловие, сословие святых, сословие верных, христианское сословие. Во второй и третьей фразах Феофана сословием обозначено понятие об обществе, государственном объединении людей в русле идей естественного права. Два последние примера указывают на новые формы административных учреждений - коллегии, то есть коллективы, основанные на принципе общности и единства поставляемых целей.

"Секуляризовавшееся" в употреблении Феофана Прокоповича слово встречается затем у Тредиаковского. Ср. в речи 1735 г.: "Научит нас и знатнейшее и искуснейшее благородных сословие" (Соч. 1752, т. II, 16). Имеется в виду дворянство как носитель языковой нормы. Употребление не носит характера социального термина, а является скорее метафорой; речь идет не о дворянском корпусе в целом, но о образованном обществе, которое по условиям времени слагалось из благородных. Тредиаковский применяет слово и к обозначению неодушевленных вещей: "Коликия и в Ней Самой видим дарования: видим, и с благоговением проповедуем чудное сословие Императорских Ея добродетелей (там же, 300).

Интерес представляют употребления Тредиаковского в переводе "Римской истории" Шарля Роллена (1761-67 гг.). Здесь сословие выступает соответствием трем словам французского оригинала: compagnie, corps, ordre , обозначающим два социальных коллектива - Сенат и Народ. Ср.: "Народ, боля больше о собственном зле, нежели рача о чести своего сословия и о всеобщей пользе, прилежал мало к успеху на Выборах" (т. III, 22); "(Долабелла) хотя по роду и был Патрикианин, однако отвратил сие препятствие и записался... в Народное сословие, да и наречен тотчас с Трибуна" (т. XIV, 91)[1]; "В древния времена не было кроме двух сословий (ordres) говоря свойственно, Сената и Народа, и также опричь двух состояний (conditions), Патрикийскаго и Плебейскаго" (т. I, 24); "Ромул, чтоб предупредить и удержать зависть, какову разность состояний (conditions) могла возбудить между обоими Государственными Сословиями (ordres de l'état), потщился соединить их одно с другим взаимными союзами и благодетельствами, да и соп-

[1]Должность трибуна в Риме не могла заниматься патрицием.

рящи оныя совокупно так, что присвояя честь Дворянству (noblesse), не зделать бы Народ презрительным" (т. I, 26).

Независимо от реального политико-экономического статуса сената и народа в Риме, важно отметить, что это были социально релевантные единицы общества и воспринимались как таковые в XVШ в. французским автором и русским переводчиком. Сословие в употреблении Тредиаковского обозначает род социального коллектива с известными политическими, экономическими и социальными признаками. В двух последних примерах, где соседствуют слова сословие и состояние, хорошо видно, что первое обозначает социальную группу как таковую, второе – положение в обществе лиц, образующих такую группу. Таким образом, Тредиаковский первый употребил слово сословие с полнозначным социальным смыслом. Ему же принадлежит случай оригинального, в предуведомлении переводчика, употребления слова во фразе, где сословие предполагается единицей любого общественного устройства: "Сего закона ничто... не может быть справедливее в Демократическом Правительстве: ... между всеми Сословиями содержать твердо равновесие (т. П, I6). Социологической специализации слова способствовали исторические процессы этой эпохи, когда складывались русские сословия, и особенно активно дворянство после указа о вольности I762 г.

Признать слово сословие термином в языке Тредиаковского мешают отсутствие у этого автора ясной социальной концепции и наличие вместе с тем ряда синонимов, употребляемых тождественно с сословием как соответствие франц. corps, état, ordre, compagnie, это: дружина, класс, клевретство, корпус, содружество, сонм, состав, состояние, степень, статья, чин, чиноналичие[1]. Вариантность средств выражения была характерна для письменности XVШ в. и в особой степени для Тредиаковского, стремившегося к безграничному расширению лексикона. Но сказывались также отсутствие научной доктрины, теории общества, и растерянность законодательства перед лицом существенных социальных проблем.

Употреблением Тредиаковского означен второй этап жизни слова в XVШ в., на этом этапе были использованы возможности, созданные

[1]Для обозначения понятия о сословии употреблялись также слова достоинство, звание, отделение, стан (Посошков, Татищев), род (в Комиссии I767 г.), чиноначальство (Десницкий), чинespecтояние (Болтин, Радищев).

"секуляризацией" сословия, проведенной Феофаном Прокоповичем[1].

Можно думать, что сословие, несмотря на церковнославянское и книжное происхождение, употреблялось в устной речи чаще, чем в письменности. В языковом сознании могла возникнуть связь между франц. condition и сословием, связь, основанная на морфологическом сходстве слов. Научная этимология того времени возводила лат. condicio, от которого происходит франц. condition к глаголу dare: do, dedi, datum, даю. Conditio, состояние, уговор. Conditionalis et conditionabilis, по договору, с договором". (Геснеров лексикон, М., 1767, 155–156), однако есть свидетельства о существовании другой этимологии лат. condicio. В "Российской грамматике" 1756 г. Ломоносов ввел термин условный союз (Полн. собр. соч., т. VII, 553, 576), тогда как в Грамматике Мелетия Смотрицкого эти союзы названы сослагательными (л. 277), и в подготовительных материалах Ломоносова фигурирует лишь последний термин (т. VII, 756). Следовательно, Ломоносов считал, что условный точнее передает лат. conditionalis, и это соответствует современной этимологии слова[2].

Можно было бы думать, что название условный у Ломоносова возникло по смыслу, поскольку условные союзы употребляются в тех предложениях, где содержится условие. Однако слово условие тогда еще не существовало в русском языке. Оно возникло под пером того же Ломоносова в период работы над "Российской грамматикой" как калька лат. conditio. Самый ранний пример употребления принадлежит, судя по Картотеке русского языка XVIII в., Ломоносову и от-

[1] Отметим также употребление слова в речи А. Барсова, профессора Московского ун-та (1762 г.): "Веселися Духовное сословие о Благочестивейшей, Воинский сан о Мужественнейшей, Гражданский чин о Прозорливейшей, купечество о Попечительнейшей, поселянство о Благотворительнейшей Государыне своей!" (Собрание речей, М., 1788, 32). Под духовным сословием имеется в виду духовенство как социальная группа, но расчленение дворянства на воинский сан и гражданский чин, постановка духовенства на первое место показывают, что в данной фразе нужно искать не социологический анализ, а риторику, восходящую к Феофану Прокоповичу.

[2] Condicio возводится к dico, dicere - "говорю", см. Ernout A. et Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Paris, 1939, p. 267.

носится к 1756 г.: "Сие разделение ... вам уступаю, с таким условием, что бы и мне позволено было..." (Соч. 1757, т. I, 328). Характерно, что слова условие нет в приведенной цитате из Геснерова лексикона. Ср. также показательный случай толкования в двух изданиях Вейсманнова лексикона 1731 и 1782 гг.: "Beding, conditio - договор, уговор, постановление" (с. 70). "Beding, conditio- уговор, постановление, условие" (с. 70).

Допущение об устно-речевой активизации слова в результате влияния со стороны параллельного морфологического образования во французском языке, то есть слова condition , необходимо затем, чтобы объяснить, почему сословие, отмеченное лишь немногими письменными источниками, приобрело свое прочное положение социального термина. Из многочисленных его синонимов два по крайней мере имели все возможности, чтобы победить в борьбе, это звание, находившееся в определенном словообразовательном и смысловом параллелизме с нем. Beruf , франц. profession, и состояние, ср. нем. Stand, Zustand , франц. état [1]. Если звание пошло за своими иноязычными соответствиями в сторону обозначения занятия, профессии[2] (ср. особенно призвание), то состояние в языке законодательства становится обозначением различных разрядов городских жителей[3]. Однако до конца столетия, а также и в XIX в., оба эти слова обозначают преимущественно понятие о сословии.

---

[1] Если считать, что франц. condition восходит к глаголу condo, condere , то тогда именно состояние, а не сословие нужно признать полной его параллелью. Не исключено, что такого мнения придерживался Тредиаковский: в тех случаях, когда во фразе сталкиваются слова сословие и состояние, как раз последнее переводит франц. condition , как это видно в приведенных примерах.

[2] Ср.: "Цезарь ввел в Сенат множество недостойных людей, которыи подлостию своего рода и прежде бывших званий (emplois) обесчещали Августейшее то сословие" (Римская история, т. XIУ, 176); "Вступи в Учители, есть такое звание" (Почта духов, 1789, ч. 2, 176).

[3] Ср.: "Всякий мещанин имеет право ... переходить из однаго мещанского состояния в другое всякое мещанское ж состояние" (Материалы Комиссии 1767 г., Сб.РИО, т, 36, 182); "Купцам, мещанам, ремесленникам, художникам и всякаго другаго состояния людям" (1798 г., Полное собрание законов, т. ХХУ, 65).

Возможно, как отражение устно-речевой активности слова нужно оценивать единичный случай его употребления в материалах Комиссии 1767-69 гг.: "В случае по указам рекрутских поборов посадских людей давать не принуждать, разве только сами купеческое общество какого неспособного из сословия к тому представят" (Наказ от жителей г. Белева, Сб.РИО, т. 144, с. 421)[1]. Слово сословие синонимично здесь выражению купеческое общество, терминологическому обозначению местной сословной корпорации. Это значение для XIX в. В.В. Виноградов определил следующим образом: "корпорация, группа лиц, объединенных профессиональными интересами или однородными занятиями". Предсказанием этого значения было применение сословия к обозначению Петровских коллегий. Ср. также в Словаре Академии российской: "Сословие. Собрание, число присутствующих где особ" (т. У, с. 544). В этом значении употребляет слово кн. М. Щербатов: "Новые вводимые им Петром I обычаи ... чинили его осторожна, чтоб учреждаемые войска с земскими поселянами смешены не были, но составляли бы сословие, единственно преданное ему и его соизволению" (Неизданные соч., М., 1935, 67).

Многочисленны у Щербатова случаи обозначения словом социологического понятия о сословии: Почтимся изыскать сию среднюю черту, где права сего почтеннаго сословия дворян между властию монаршей и между правами нижних чинов людей должны быть поставлены" (Сочинения, т. I, СПб., 1896, 257); "Такой отменный от других чин в государстве, которых мы дворяне и благородные называем, есть необходимо нужен для силы и безопасности государя; ибо сие все сословие, отделенно от других состояний народа, учиняет подкрепление его престола и власти" (Неизд. соч., 141); "Сословие дворянское есть необходимо нужно монарху" (там же, 142).

Употреблением Радищева заканчивается в XVШ в. история слова сословие: "В России вообще два рода женскаго платья в простом народе, опричь того, которое носят, подражая высшим сословиям" (Полное собр. соч., т. П, М.-Л., 1941, 183); "Народ российский

[1]Мы не используем материалов Комиссии в тт. IУ, Х, XIУ Сборника РИО, где встречается слово сословие. Редактор этих томов Д.В. Поленов прибегал в своей работе к сокращениям текста, заменам, изменению языка в сторону его подновления. На это указывает В.И. Сергеевич (Сб. РИО, т. XXXП, с. I).

разделяется на сословия или чиносостояния. I) Дворянство. 2) Гражданство или мещанство. 3) Духовенство. 4) Поселяне разнаго звания" (т. Ш, I67); "Общество всякое есть лице в смысле закона, но состояние, на которое разделяется народ, не есть лице; ибо права людей, к какому либо состоянию принадлежащих, есть права каждаго особо, но не состояния вообще. Если бы права принадлежали состоянию, в сборном его лице, то оно бы было сословие государственное, чего в России нет" (т. Ш, I73-I74).

Вообще у Радищева, несмотря на известный разнобой в употреблении (рядом с сословием чиносостояние) , за словом сословие можно признать терминологическую функцию по той определенности понятия, с какой оно предстает в последней из приведенных фраз, и по той системной обусловленности значения слова (сословие определяется в связи со значением слова состояние), какая характерна лишь для терминологии. Позднейшая наука не согласилась с Радищевым в том, что в России в ту пору не было сословий. Политическими правами сословий, осуществляемыми сословиями in corpore являются: I) участие в государственном управлении, 2) участие в местном управлении, 3) вотчинное управление (Ключевский, I958, 280). В России сословия были лишены первого права, два сословия - дворянство и городское - пользовались после жалованных грамот I785 г. вторым из названных прав, одно сословие - дворянство - имело третье право. В Европе характерным признаком сословий было первое из этих прав (Генеральные штаты во Франции, Голландии, Парламент в Великобритании, Сейм в Польше); не найдя его в России, Радищев отказал русским сословиям в праве именоваться таковыми[1]. От этого употребление Радищева не лишается терминологичности: сущность сословия как социальной группы (совместное пользование правами) Радищев понимал правильно и первым в России отчетливо выразил это понимание.

Употребление нач. XIX в. продолжило сложившуюся традицию. Словом сословие обозначается, во-первых, общественная группа населения[2] и, во-вторых, корпорация, объединенная профессиональными ин-

[1]Согласие с Радищевым высказал в I846 г. К.Д. Кавелин: "Небыло у нас сословий, как в Европе" (Собр. соч., СПб., I897, т.I, 66).

[2]Ср.: "Дворянское сословие искало особых для себя заведений и ... почитало по части училищной не приличным быть смешену с прочими состояниями государства" (Архив Гос. сове -

тересами или однородными занятиями[1].

В своем социологическом значении слово сословие применяется обычно лишь к одному из русских сословий - дворянскому (этому правилу не следует Радищев). Действительно, дворянство как сословие сформировалось раньше других групп, в нем полнее выразилась сословная организация, но главная причина такого употребления, вероятно, была стилистическая: слово сословие по своей высокой стилевой ценности, бывшей результатом церковнославянского происхождения, удобнее всего прилагалось к обозначению "благородного сословия". Это обстоятельство говорит также о той социальной среде - дворянской, - где преимущественно употреблялось слово[2]. Примечательно, что став термином науки, оно не стало термином законодательства, где в течение XIX в. употреблялось преимущественно слово состояние [4, 911].

Итак, в судьбе сословия отразились характерные черты истории русского языка XVШ в. Будучи церковнославянским по своему происхождению, оно подверглось "секуляризации" в начале века (светские тенденции проявились в деятельности церковного лица), в сере-

---

та, т. Ш, СПб., 1878, с. 691, дело 1805 г.); "Подтвердить о неприятии в дворянское сословие таких людей, которые отбывали от службы" (там же, 672); "С половины царствования Екатерины П, не только европейцы, но всех стран чужеземцы начали у нас поступать в службу, производиться в чины, вписываться в сословие дворянства и занимать государственные должности" (Мое время. Записки Г.С. Винского. Изд. "Огни", СПб., с. 100).

[1]Ср.: "Тако исполняем мы предназначение Великой Основательницы сего Сословия (Вольного экономического общества - А.А.), даровавшей нам свой девиз Пчел в улей мед носящих" (Труды ВЭО, ч. 62, 1810, с. 2); "Определение образа правления принадлежит первым основателям Государства. Сие великое дело они могут произвести сами в общем собрании по единодушному желанию, могут поручить сословию избранному из их сограждан, или наконец предоставить оное одному лицу" (А.Куницын, Право естественное, СПб., 1818, § 461).

[2]Рядом с выражением дворянское сословие существовали выражения духовный чин, купеческое звание, мещанское состояние, имевшие собственные причины устойчивости.

дине века в условиях "лексической избыточности" [5, 21]оно получило семантическую обработку, в конце столетия в условиях размежевания подобозначащих слов ему была придана терминологическая определенность. На употреблении слова отразилась высокая стилевая ценность, которой оно было обязано своему происхождению.

При рассмотрении истории слова было выдвинуто предположение о поддержке, которая была оказана ему морфологически сходной французской лексемой condition , способствовавшей употребительной активизации слова сословие. В обстановке двуязычия такие случаи не могли быть единичны. Это явление должно рассматривать рядом с семантической индукцией, калькированием и заимствованиями.

Литература

I. Виноградов В.В. Историко-этимологические заметки. // Этимология. 1966. - М., с. 133-137.
2. Ильминский Н.И. Размышление о сравнительном достоинстве в отношении языка Псалтыри и Евангелия. Изд. 2-е. СПб., 1886.
3. Ключевский В.О. Сочинения, т. УI (История сословий в России), 1958.
4. Лазаревский Н. Сословие. // Энциклопедический словарь "Брокгауз и Ефрон", т. 30, 1900, с. 911-913.
5. Сорокин Ю.С. О задачах изучения лексики русского языка XУШ века. // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М., 1966, с. 7-34.

Ю.И. Чайкина

ПИСЬМЕННО-ДЕЛОВАЯ И ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ СТАРОРУССКОГО ГОРОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЦОВЫХ И ПЕРЕПИСНЫХ КНИГ МОСКВЫ, РОСТОВА, БАЛАХНЫ, УСТЮГА, ВЯТКИ, ВОЛОГДЫ, УСТЮЖНЫ XУП - НАЧАЛА XУШ вв.)

Интерес к письменно-деловой речи XУП - начала XУШ вв. объясняется рядом причин и прежде всего тем, что она оказала большое влияние на формирование норм русского литературного языка нового времени. Монографические работы и целые циклы статей посвящены исследованию таких жанров деловой письменности, как купчие, подрядные и отписи [4], челобитные [3], сельскохозяйственные книги

I , приходо-расходные книги северных монастырей [24; 23] и т.д. Со стилистических позиций изучена лексика некоторых жанров деловой письменности отдельных изолированных регионов [16].

Среди многих разновидностей письменно-деловой речи особый интерес вызывают писцовые и переписные книги русских городов второй половины XУП - начала XУШ вв., составлявшиеся на местах по заданию правительственных органов и отсылавшиеся в Москву. Перед составителями данных документов ставилась задача описать владельцев дворов и земельных угодий, т.е. "плательщиков тягловых податей" в городе [21, 371].

Материал обычно располагался в определенной последовательности. Вначале приводились сведения о московских приказных людях и местных писцах, составивших книгу, затем тщательно описывались строения, имущество, земельные угодья монастырей и церквей, расположенных в городе. Основной формуляр писцовых и переписных книг делился на значительные по объему части, в каждой из которых приводились сведения о жителях, населявших отдельные районы или улицы города.

Ученые неоднократно обращались к исследованию данной разновидности письменно-деловой речи. Материалы писцовых переписных книг старорусских городов всесторонне исследованы с точки зрения социальной истории [25; 18; 20]. Для специалистов по исторической антропонимике они являются одним из основных источников изучения [26; 6; 27]. Значительные сведения дают эти документы и по истории таких тематических групп апеллятивной лексики, как названия лиц по профессии, наименование жилых и хозяйственных строений, церковной утвари и пр.[22; 2].

В структуре писцовых и переписных книг выделяются разные по содержанию и оформлению составные части, как клаузулы [4, 4-7]. Самыми важными с точки зрения целевого назначения данных документов являются клаузулы, в которых дается описание горожан и их хозяйств. Как нам известно, до сих пор не предпринимались попытки сопоставительного изучения такого рода клаузул в данных документах.

В настоящей работе проводится сопоставление близких по содержанию клаузул в источниках семи городов, составленных во второй половине XУП - начале XУШ вв.: переписных книгах Москвы (Далее - Моск.), Ростова Великого (Рост.), Вятки (Вятк.), Вологды (Вол.), Устюжны Железопольской (Устюжн.), писцовых книгах Устюга

Великого (Уст.) и Балахны (Бал.) [7; 8; II; I2; I3; I4; I5]. Выбор памятников определялся местонахождением соответствующих письменно-областных центров, которые в далеком прошлом относились к Северо-Восточной Руси или располагались в пограничных районах.

В составе клаузул анализируется апеллятивная и ономастическая лексика, сопоставляются как устойчивые, характерные для данной разновидности деловой письменности формулы, или стилеобразующие средства, так и лексика, раскрывающая содержание частей. Сопоставительное изучение клаузул в книгах разных городов дает возможность пополнить наши сведения об общих особенностях писцовых и переписных книг русских городов как особой разновидности делового языка и их специфических особенностях, обусловленных принадлежностью к разным письменно-деловым локальным центрам. Вместе с тем такого рода исследования затрагивают важную и далеко не решенную проблему о своеобразии обиходно-разговорной речи старорусского города в сравнении с письменно-деловой.

Проиллюстрируем клаузулы из разных вначале писцовых, а затем переписных книг: "Во дворе Кирилко Петровъ с. Кузовниковъ, питается черною работою, длина двора 6 саженъ, поперегъ 3 сажени, огородная земля въ длину 9 саженъ, поперегъ 3 сажени безъ чети" (Писцовая кн. Устюга I676, с. 85); "Дворишко Грязки да Иевки Русиновыхъ дѣтеи Мякрина въ длину I5 саженъ, поперегъ 7 саженъ, позадь дворишка огородишко ихъ же въ длину 57 саженъ, поперегъ 36 саженъ, а нынѣ на томъ мѣстѣ живетъ Богданъ Русиновъ с. Мякринъ". (Писцовая кн. Ростова ХУП в., с. 3); "Дворъ пѣвчего Якова Артемьева, у него в подклѣтѣ живутъ жители Огородной слободы Федька Петровъ да Ивашка Андрѣевъ" (Переписная кн. Москвы I695, с. 9); "Во дворѣ отставнои дьячекъ Иванъ Васильевъ с. Зверѣвъ 63 г., у него живутъ работникъ его Степанъ Кириловъ с. Койковъ, 60 л., у него жъ, Ивана, покорменокъ дѣвица Марфа Дорофѣя Князева дочь I0 л." (Переписная кн. Вятк. I7I0, с. 69); "Дворъ посацкого члка Федора Никитина сна Извощикова в длину ·θ̃ι· поперегъ ·д̃· сажени, хоромъ: изба, клѣть на столбахъ, межъ ими сѣнцы, надъ воротами чуланъ, погребъ да баня да сараи, за дворомъ огородъ в длину ·ни̃· саженъ поперегъ з дворомъ равно на огородѣ анбаръ, по скаскѣ ево дворомъ владѣетъ с прошлого году по купчеи Федора Оглоблина. Постою и никаких статеи в наемъ нѣтъ и посаженно не платитъ, а платитъ подать въ земскую избу" (Переписная кн. Вологды I7II, л. I6 об.), "Во дворѣ посацкои человѣкъ Аврамъ Прокофьевъ

Болтуновъ 52-ух, у него жена Аксинья 47-ми, бездѣтны, у него же сестра родная дѣвка Марфа 57-ми , тягла он платитъ въ годъ 8 рублевъ, промысел имеетъ красильнои" (Переписная кн. Устюжны 1713, л. 57 об.).

Как видно из сопоставления клаузул писцовых и переписных книг, в первых дается описание и горожан ("тяглецов") и их земельных владений, во вторых – земельные угодья не описываются, зато все податное население учитывается особенно тщательно. Исключением являются переписная книга Вологды 1711 г., в которой ведется учет владельцев дворов и их земельных участков.

Общим в структуре клаузул всех книг является формула именования горожанина и указание на его владение (дворъ, во дворѣ). Все остальные сведения (о профессии, социальном положении, возрасте, родственниках, постояльцах, приемных детях, количестве тягла и др.) могут входить в состав клаузулы или отсутствовать в нем.

Вначале подвергнем сопоставительному анализу в составе клаузулы структуру антропонимической модели и ее наполняемость, а затем перейдем к рассмотрению устойчивых формул, характерных для данного жанра деловой письменности.

Анализ антропонимии в клаузулах всех рассматриваемых источников ведется с одних и тех же позиций: 1) выявляются модели именования городского населения: а) посадских людей, купцов, ремесленников, служилого населения, нищих, б) лиц духовного звания, в) женщин; 2) устанавливается у всех этих групп населения форма личного имени (личное имя в полной форме, квалитатив); 3) анализируются с точки зрения происхождения и оформления фамильные прозвания[1]; 4) устанавливается наличие третьего компо-

[1] Основным признаком фамильного прозвища, занимающего промежуточное положение между прозвищем и фамилией, считают оформление его суффиксами -ов или -ин. В отличие от фамилии фамильное прозвище "могло и не переходить по наследству, а распространяться на лиц одной семьи в пределах одного поколения" [5, 189]. Ср. в переписных книгах Ростова: "Киприянъ Кондратьевъ с., да Никита Терентьев с., новое прозвище Шаповы, а по писцовои посацкои книгѣ Масленикови (с. 12). Вызывает сомнение в связи со сказанным принцип разграничения отчеств и фамилий в книге "Московская деловая и бытовая письменность" [10]. Составители принимают за фамилию (?) образования на -ов или -ин при отсутствии при них слов сын или дочь [10, 291].

www.ruslang.ru

нента антропонимической модели в форме пейоративного прозвища.

В работе не рассматриваются именования привилегированной части городского населения (бояр, дворян), поскольку антропонимические модели такого рода с давних пор отличались единообразием на всей территории Русского государства.

В переписной книге Москвы 1695 г. все слои населения, помимо бояр, дворян и некоторых крупных купцов, имеют двукомпонентную модель именования, состоящую из личного имени чаще квалитатива, и отчества. Во всех случаях антропонимическая модель сопровождается указанием на профессию лица или его местожительство, иногда на то и другое: дворникъ Тимошка Захаровъ (с. 6), хлѣбникъ Федька Андреевъ (с. 10), Срѣтенскои сотни Никита Яковлевъ (с. 8), квасникъ Полумяснищкои слободы Федька Тимофѣевъ (с. 7), нищеи Ивашка Федосѣевъ (с. 13) и пр.

У лиц духовного звания и некоторых других личное имя в составе двучленной модели выступает в полной форме: священникъ Миронъ Григорьевъ (с. 8), Благовѣщенского собора попъ Иванъ Семеновъ (с. 19), пѣвчии Алексѣи Григорьевъ (с. 10), патриаршъ книгописецъ Федоръ Никитинъ (с. 9), рыбного и икорного ряда торговои человекъ Антонъ Еремѣевъ (с. 9) и т.д.

Именования женщин в данном источнике отсутствуют.

В переписных книгах Ростова Великого второй половины XVII в. господствует трехкомпонентная модель именования типа Федоръ Нестеровъ с. Кичигинъ (с. 25). С помощью одного личного имени именуются лица духовного звания: попъ Деонисеи (с. 5), попъ Федоръ (с. 5), однако при этом обычно приводится название церкви: Воскресенскои попъ Киприянъ (с. 5).

Первый компонент в составе модели выступает в форме полного личного имени: Петръ, Иванъ, Михайло Андреевы дѣти Хорошавины (с. 12), Петръ Федоровъ с. Лобановъ (с. 9) и пр. Показательно, что в анализируемом источнике приводятся сведения из писцовой посадской книги г. Ростова первой половины XVII в., где почти все личные имена выступают в форме квалитатитов на -ка: "Дворишко бобыля Серешки Исаева с. Переварина..., а нынѣ на томъ мѣстѣ живетъ Иванъ Сергеевъ с. Переваринъ" (с. 7), "дворишко Кондрашки Третьякова с. Бабкина ..., а нынѣ на томъ мѣстѣ живетъ Харитонъ Кондратьевъ с. Бабкинъ" (с. 8) и т.д.

Третий компонент представляет собою в подавляющем большинстве случаев фамильное прозвание, поскольку оформлен суффиксами -ов

(-ев), -ин: Афанасий Сидоровъ с. Сенизоровъ (с. 4), Тимофеи Пятово с. Кайдаловъ (с. 8), Семенъ Ивановъ с. Гогинъ (с. 25) и пр. В редких случаях третий компонент выступает в форме прозвища, указывающего на профессию именуемого: Арефа Алексѣевъ с. Соловолокъ (с.62), Кононъ Фоминъ с. Красильникъ (с. 58), Елисей Филипов с. Серебреникъ (с. 61) и т.д.

В переписных книгах Ростова Великого приводятся не только официальные именования горожан, в ней находят отражение прозвищные личные имена и фамильные прозвания, активные в обиходно-разговорной речи города. Характерно, что в писцовой посадской книге первой четверти XVII в. фиксируются дополнительные к официальным прозвищные личные имена: Онкудинко, прозвище Варлучна, Ивановъ с. Карповъ (с. 9); Осташка, прозвище Хабарка Байбаковъ (с. 13); Якунка да Фролка, прозвище Грязка, Микифоровы дѣти Кузнецовы (с. 7); Пятунко Кузминъ, прозвище Жегля (с. 5) и др. В переписной книге второй половины XVII в. этого же города приводятся дополнительные к официальным прозвищные фамильные прозвания: Максимъ Никитинъ с. Малютинъ съ братьями, а Стучибрюховы они жъ (с. 16), Никита Фоминъ с. Красильниковъ, Коза онъ же (с. 11), Федоръ Степановъ с. Тюря, Кобельковъ (с. 10) и пр.

Отражение неофициальных фамильных прозвищ в деловой письменности XVII в. было довольно распространенным явлением. По наблюдениям Е.Н. Поляковой, в пермских деловых документах именования типа Ивашко Щербакъ преобладали в показаниях крестьян, в обработанном же виде данный антропоним выглядел как Ивашко Лаврентьев с.Швецов прозвищемъ Щербакъ [17, 94].

Если говорить о происхождении фамильных прозваний ростовчан данного периода, то они обычно восходят к отчествам, образованным от личных имен русского происхождения (неканонических): Баташевъ, Мякринъ, Бѣлобровинъ - с. 4; Лобановъ, Халезовъ, Желобовъ, Мисневъ - с. 5, Улыбьевъ - с. 10, Тараканов - с. 110 и др. Фамильные прозвания от отчеств, восходящих к календарным личным именам, единичны: Андреевъ - с. 3, Романовъ - с. 8, Степановъ - с. 10 и др. В составе антропонимов отмечено незначительное количество профессионально-должностных фамильных прозваний: Лапотниковъ - с. 13, Тележниковъ - с. 16, Хлѣбниковъ - с. 17, Горшешниковъ - с. 19, Вощебитниковъ - с. 10 и др.

Женские именования в книге отсутствуют.

В писцовых книге Балахны 1674-76 гг. доминирует трехчлен-

ная антропонимическая модель. Именования лиц духовного звания и женщин не отмечены. В составе модели личное имя повсеместно выступает в форме квалитатива на -ка: Савка Мартиновъ с. Латышевъ, Макарко Ондреевъ с. Сотниковъ, нищей Окафеико Карповъ с. Уголниковъ (с. 74). Третий компонент осложнен суффиксами -ов (-ев), -ин и является тем самым фамильным прозванием: Матюшка Григорьевъ с.Дрябловъ, Демка Ивановъ с. Ясыревъ (с. I8), Демко Зиновьевъ с. Ряхинъ (с. 76) и др. В отдельных случаях третий компонент представляет собой антропоним, характеризующий именуемого или его предка по профессии: Васка Наумовъ с. Трубникъ (с. 46), Фетка Петровъ с. Сыромятникъ, Ганка Филиповъ с. Кузнецъ, Куземка Ивановъ с. Бондаря (с. 55) и др. Изредка в составе модели третий компонент выступает в форме пейоративного прозвища: Федка Остафьевъ с. Колча (с. 7I), Федко Ивановъ с. Чертище (с. 83), Сидорко Дмитриевъ с . Двоешерстного (с. 72), Миронко Ивановъ с. Коровьи Ноги (с. 86) и др.

Подавляющее большинство фамильных прозваний г. Балахны восходит в конечном счете к неканоническим прозвищным личным именам предков: Дрябловъ (с. 7), Баскаковъ (с. I7), Соколовъ (с. 38), Варохобинъ (с. 4I), Ряхинъ (с. 76), Шпанев (с. 77) и др. Значительна группа фамильных прозваний, связанных с промышленностью и торговлей данного населенного пункта - с соляным и кузнечным делом, с изготовлением продуктов питания, одежды, домашней утвари: Трубниковъ (с. 56), Угольниковъ (с. 74), Ковшевниковъ (с. 82), Блинниковъ (с. 49), Крупениковъ (с. 40) и мн. др. Имеются фамильные прозвания оттопонимического происхождения: Свияжниковъ (с. 70), Устюженцев (с. 52), Новгородцовъ (с. 64) и др. Единичны фамилии, восходящие к календарным именам.

В писцовой книге Устюга Великого I677 г. отмечена двукомпонентная модель именования лиц духовного сословия: попъ Иванъ Ерофеевъ, попъ Дмитреи Еремѣевъ (с. 44), Богословскои попъ Василеи Трофимовъ (с. 98). К числу исключений относится модель типа Ильинской попъ Прокопеи Фоминъ Петуховъ (с. 86).

Все остальные сословия именуются с помощью трехчленной антропонимической модели. В составе ее личное имя всегда выступает в форме квалитатива: Ивашко Гавриловъ Шеметовъ, Пашка Захарьевъ Шушкинъ, Агапитка Ларионовъ Свѣчниковъ (с. 88) и пр. Фамильные прозвания оформляются с помощью значительного количества формантов: -овъ (-евъ), -инъ (-ынъ), -ихъ (-ихъ), -овыхъ, -овскихъ; -овскои, -инскои: Максимко Захарьевъ Басмановъ, Якушко Васильевъ

Перетягинъ (с. 85), Никита Федоровъ Бѣлыхъ (с. 85), Илюшка Ивановъ Романовыхъ (с. 85), Якушко Евсевьевъ Жерноковскихъ (с. 88). См. также: Копыловскихъ, Кузнецовскихъ (с. 101), Барминскои, Ошаровскои (с. 101) и др.

В редких случаях третий компонент в составе модели не оформлен фамильными суффиксами и является неофициальным прозвищем, активным в сфере бытового общения: Стенка Тарасовъ Бутыга, Мишка Федоровъ Гыга, Ярофейко Исаковъ Тарата (с. 102), Васка Сергиевъ Охота (с. 104), Мишка Семеновъ Медвѣдко, нищеи (с. 95) и пр.

По семантике производящей основы самая значительная группа фамильных прозваний восходит к русским прозвищным отчествам: Бреховъ, Цаплинъ, Выломаевъ, Носовъ (с. 87), Шемякинскои (с. 96), Чуркинъ, Мохнаткинъ (с. 128) и мн. др. Значительно число фамильных прозваний, связанных с названиями профессий, часть из которых специфична именно для данного города: Дощанишниковъ – с. 98, Цепенниковъ – с. 103, Носниковъ – с. 144, Водолеевъ – с. 199, Козишниковъ – с. 125 и др. Отмечены фамилии оттопонимического происхождения: Юговъ – с. 93, Колмогоровъ – с. 99, Казанцовъ – с.101, Вондокуровъ – с. 103, Лузянинъ – с. 92 и др. Фамилии, ведущие происхождение от календарных имен, немногочисленны.

Женщины именовались с помощью трехчленной модели, в редких случаях – двучленной, причем первый компонент всегда являлся квалитативом с формантами -ица или -ка: Александрица – с. 95, Феклица, Капильица – с. 91, Анница – с. 105, Ульянка – с. 92 и др. Вторым компонентом в составе модели выступало личное имя мужа, осложненное формантами -овская или -ова (-ева): Марьица Федоровская жена Мякишева (с. 95), Пелагеица Максимова жена Котелевских (с. 96). Третий член модели представлял собою фамилию мужа. В одних случаях, как и в переписных книгах других городов, она приводилась в официальной форме: Феклица Ульяновская жена Колашникова (с. 98). В других – она выступала в форме, характерной для обиходно-бытовой речи горожан, т.е. осложнялась суффиксом -их (а): Оксиньица Михайлова жена Шариха (с. 90), Анница Павловская жена Шутиха (с. 105), Ульянка Закочуриха, Федосьица Лазариха (с. 93) и пр. Именования женщин по фамилии мужа на -иха в XVII в. имели широкое распространение на территории северо-восточных уездов Русского государства. Такого рода антропонимы отмечает Е.Н. Полякова в пермских деловых документах XVII в. [17, 94].

В переписной книге Вятки 1710 г. антропонимические модели

всех социальных групп населения, в том числе и лиц духовного звания, трехчленные, личное имя в составе модели представлено только в полной форме: Агафонъ Ивановъ с. Носковъ, Емельянъ Прокопьевъ с. Коробовъ (с. 65), Кирило Венедиктовъ с. Грязныхъ (с. 78); попъ Григории Матвѣевъ с. Крошихинъ (с. 72), дьяконъ Андреи Исаевъ с. Дмитриевыхъ (с. 72), пономарь Петръ Петровъ с. Злыгостев (с. 77) и мн. др.

Фамильные прозвания оформлены формантами -ов (-ев), -ин (-ын), -ихъ (-ыхъ), -овыхъ (-евыхъ), -иныхъ (-ыныхъ), -ово (-аго): Ворожцовъ (с. 70), Куклинъ (с. 65), Глухихъ (с. 68), Грязныхъ (с. 78), Захаровыхъ (с. 64), Дорониныхъ (с. 143), Малово (с. 67), Черного (с. 73) и пр.

Отсутствуют именования, в которых третий компонент был бы представлен в форме пейоративного прозвища.

По семантике производящей основы самая значительная группа фамильных прозваний восходит к прозвищным отчествам русского происхождения: Боботовъ, Жаравлевъ, Кувалдинъ, Прозоровъ, Пагинъ (с. 59) и мн. др. Имеются фамилии, связанные по происхождению с профессией: Бронниковъ, Бердниковъ, Рукавишниковъ (с.70), Зелейщиковъ, Котельниковъ и др. Отмечены фамильные прозвания оттопонимического происхождения: Мезенцевъ (с. 83), Моломинъ (с. 90), Лузянинъ (с. 68), Кунгуровъ (с. 91), Лалетинъ (с. 74), Вычагжанинъ (с, 59) и др. Фамилий типа Ивановъ, Петровъ незначительное количество.

Формула именования незамужних женщин состоит из 3-х компонентов, вдов - из 4-х. Личное имя всегда представлено в полной форме: Васса Петрова дочь Печенкина (с. 68), Палагея Яковлева дочь Никитина жена Никитиныхъ (с. 85). Имя мужа может быть оформлено суффиксами -ов (-ев), -ин или -овск(ая), -инск(ая): Васса Федорова дочь Яковлева жена Демидовыхъ (с. 73), Анна Васильева дочь Фоминская жена Вепревыхъ (с. 85).

В переписной книге Вологды 1711 г. именования как правило трехкомпонентные, личное имя выступает в полной форме: Анисимъ Флоровъ с. Жиряковъ (с. 60), Иванъ Гавриловъ с. Чадовъ (л.113), Иванъ Степановъ с. Урядинъ (л. 80 об.) и др. Лица духовного звания именуются с помощью только двучленной модели: попъ Иванъ Михайловъ (л. 12 об.), дьяконъ Федоръ Евдокимовъ (л. 12), трапезникъ Степанъ Андрѣевъ (с. 12 об.) и др.

Фамильные прозвания обычно осложнены суффиксами -овъ (-евъ),

-инъ, изредка -овск(ои), -инск(ой): Леденцовъ (л. 171), Холщухинъ (л. 27 об.), Хоненевъ (л. 21 об.), Белавинскои (л. 742) и др.

Отмечено сравнительно незначительное число именований, третий компонент которых выступает в форме неофициального пейоративного прозвища, что связано с отражением в деловой письменности элементов разговорной речи: Григореи Степановъ с. Сутяга (л. 18), Архипъ Прокопьевъ с. Бука (л. 390), Петръ Федоровъ с. Кока (л. 85), Макаръ Андрѣевъ с. Лоховина (л. 85) и др.

Основная масса фамильных прозваний восходит в конечном счете к некалендарным именам-прозвищам: Бехтеревъ (л. 58 об.), Тошляевъ (л. 58), Шаршавинъ (л. 60 об.), Деулинъ (л. 21), Непряхинъ (л. 21), Тебенковъ (л. 238) и др. О значительном круге вологодских фамилий, восходящих к названиям профессий, уже писалось [22; 2]. Фиксируются фамильные прозвания и прозвища, возникшие от топонимов: Колмогоровъ (л. 7 об.), Бѣлозеровъ (л. 378), Бохтюгинъ (№ 908), Москва (№ 826), Рабанскои (№ 991) и др. Фамилии от календарных имен единичны.

Именования женщин в основной своей массе четырехчленные. Личное имя дается в полной форме, имя мужа осложнено суффиксами -овск(ая), -инск(ая): Анфимья Козмина дочь Федоровская жена Оглоблина (л. 17), Улита Иванова дочь Степановская жена Колуева (л. 19), вдова дьяконица Гликерья Константиновна дочь Михайловская жена Пошехона (л. 21 об.) и др. В отсылках на тексты более ранних документов приводится обычно пятичленная модель именования: посацкая вдова Ирина Панкратьева дочь Яковлевская жена Федорова сына Кочергина (л. 311 об.).

В переписной ландратской книге Устюжны Железопольской 1713 г. именования сохраняют социальную обусловленность. Двукомпонентная формула указывает на низкое социальное положение носителя имени. Двучленной моделью именуются подмастерья, бобыли, нищие: подмастерье Никита Терентьевъ, Тимофей Леонтьевъ (л. 38 об.), бобыль Кирила Никитинъ, нищеи Иванъ Артемьевъ, Тихонъ Степановъ, Афанасеи Козловъ (л. 115) и др. Двукомпонентные именования характерны для лиц духовного званья: бѣлой попъ Фома Семеновъ, пономарь Федоръ Внифантьевъ, дьячекъ Петръ Григорьевъ (л. 45).

С помощью трехчленной модели именовались подъячие, оружейных дел мастера и др.: Илья Никифоровъ с. Терешихинъ, Яковъ Самоиловъ с. Мамыкинъ (л. 58 об.); Федоръ Фоминъ с. Докучаевъ,

Михаилъ Яковлевъ с. Безнинъ, Гаврило Иевлевъ с. Хватовъ (л. 100) и пр. В той и другой модели личные имена выступают в полной форме.

Все фамильные прозвания осложнены суффиксами -овъ (-евъ), -инъ (-ынъ).

Третий компонент модели не употребляется в форме пейоративного прозвища.

По происхождению выделяются отмеченные в переписных книгах других городов три группы фамильных прозваний. Специфичны антропонимы, связанные с кузнечным делом: Укладниковъ (л. 67 об.), Топорниковъ (л. 62 об.) и др.

Именования женщин обычно трехкомпонентные, личное имя приводится в полной форме, к имени мужа присоединяется суффикс -овск(ая), -инск(ая): Парасковья Семеновская жена Солодовникова (л. 71 об.), Устинья Сидоровская жена Доманина (л. 75 об.) и др.

Для убедительности отразим основные положения в схеме (с. 173)

Перейдем к рассмотрению лексических связей (сочетаемости) формул именования в составе клаузулы, выраженных различными формами дистрибуции. Заслуживает рассмотрения в исследуемых документах подача сведений о профессиях горожан, поскольку характер введения этих сведений в текст во многом зависит от специфики антропонимических моделей.

Названия профессий горожан приводятся в книгах только трех городов - Москвы, Устюжны Железопольской и Устюга Великого. В переписной книге Москвы посадские и служилые люди именуются с помощью двучленной модели. В этом случае формула именования обязательно сочетается с названием профессии (или указанием на местожительство), которое располагается непосредственно перед антропонимом: пѣвчии Иванъ Фроловъ (с. 9), плеинои мастеръ Федоръ Яковлевъ (с. 11) и др. В книге Устюга Великого при господстве трехчленной модели название профессии стоит после антропонима: Кирюшка Федоровъ с. Безпутинъ, кузнецъ (Уст., с. 87). В устюженской книге оно отделено от именования значительным по объему контекстом: Василеи Григорьевъ с. Жуковъ.., промыселъ имеетъ солодовои, Елисеи Максимовъ с. Богомоловъ.., промыселъ имеетъ кузнешнои (Устюж., с. 223) и др. В данном источнике возможна и препозиция, но по структуре конструкция приобретает иной вид: станошнои мастеръ Семенъ Ивановъ с. Ховронинъ (л. 106), молотового дѣла мастеръ Ефимъ Козинъ (л. 38 об.) и др.

Схема

	Модели именования посадских ремесл., солдат и т.д.		Модели именования духовного звания			Модели именования женщин						Личное имя мужчины		Личное имя женщины	Фамильные прозвания на				Третий компонент модели непорятного прозв.
	Двукомп.	Трехкомп.	Однокомп.	Двукомп.	Трехкомп.	Трехкомп.	Четырехкомп.	по имени мужа		по фамилии мужа на -ихи	Третий комп. по имени мужа на		В полной форме	Квалитатив	В полной форме	-ов(ъ) (-ев(ъ)), -ин(ъ) (-ын(ъ))	-их(ъ) (-их(ъ))	-ских(ъ)	-ово (-ого)	
								-ская	-ова (-ева), -ина		-ово (-ева)	-ина								
1. Москва	+		+	+									(+)	+						
2. Ростов Великий		+	+										+							
3. Балахна		+												+		+				
4. Устюг Великий		+		+				+	+	+			+	+		+	+	+	(+)	
5. Вятка		+			+			+	+		+	+	+			+	+		+	
6. Волотда		+		+					(незам.)		(вдовы)									
7. Устюжна	+	+		+					+				+	+	+	+				+

В книгах Ростова, Балахны, Вологды специальных сведений о профессии именуемых не приводится. Однако в тех случаях, когда в составе именования отсутствует третий компонент – фамильное прозвание, писцы заменяют его указанием на профессию именуемого или его предка. Ср., например: Сергѣи Семеновъ с. Калашникъ (Рост., I3), Арефа Алексѣевъ с. Соловолокъ (Рост., 62), Васка Наумовъ с. Трубникъ (Бал., 46), Ганка Марковъ с. Сапожникъ (Бал., 72), Маркъ Степановъ с. Чюлошникъ (Вол., 364), Михаила Ивановъ с. Паяльщикъ (Вол., 69 об.) и др. Модель такого строения, характерна и для писцовых книг Устюга I676 г., документа, в котором обычно указывается профессия именуемого. Например: подворникъ Петрушка Васильевъ с. Серебреникъ (с. 87), Якушка Микулинъ с.Трапезникъ (с. I05), Марчка Ларионовъ с. Свѣчникъ (с. 88) и др.

Обращает на себя внимание различие в способах подачи материала о профессиях и должностях горожан в разных письменно-областных центрах, т.е. специфика стилеобразующих средств рассматриваемых источников. В книгах Устюга и Москвы дело ограничивается приведением терминов – названий профессий: двинскои носникъ (с. 85), поршевникъ (с. 87), чеботнои мастеръ (Уст., 88); серебряникъ и золотарь (с. 9), икорникъ (с. I4), печатного дѣла тередорщикъ (Моск. 8) и др. В устюженской переписной книге содержание данной мысли передается формулой, представляющей собой устойчивую синтаксическую конструкцию, построенную по модели неполного предложения. Первая часть формулы постоянная, вторая – обновляется: промыселъ имеетъ красильнои (с. 22I), промыселъ имеетъ торговои серебренои (с. 224), промыселъ имеетъ харчовои, колашнои (с. 222), промыселъ имеетъ торговои и сапожнои (с. 228) и пр.

Сопоставляя эти два способа подачи сведений о профессиях, следует отметить, что использование формул, являющихся устойчивыми описательными оборотами, было характерно для писцовых книг более раннего периода. В посадской книге Ростова начала XVII в. о профессиях, например, сообщалось так: подшиваетъ сапожонка (с. I7), пашетъ капустенко и огурцы (с. 26), поделываетъ замчишка (с. 37), торгуетъ рыбенкомъ свѣжимъ (с. 39) и пр.; ср. также в писцовой книге Устюга I630 г. – ходитъ на судѣхъ въ носовщикахъ (с. I2), кормится на винокурняхъ в ярыжных (с. I4), торгуетъ в хмѣльномъ ряду (с. I2) и др. [I5а].

Как видно из сказанного, в писцовых и переписных книгах конца XVII – начала XVIII вв. прослеживается зависимость между указа-

нием на профессию и составом и устойчивостью модели именования. В документах с двучленной моделью указание на профессию (или местожительство) обязательно. В источниках с трехкомпонентным именованием в зависимости от целевой установки указание на профессию может приводиться (Устюг, Вятка), но может и не приводиться (Ростов, Балахна, Вологда). В книгах с неустойчивой трехчленной моделью название профессии может выступать в качестве третьего компонента именования, выполняя одновременно и функцию фамильного прозвища.

К именованию горожан, являющемуся центром клаузулы, тяготеют характерные для данной разновидности письменно-деловой речи устойчивые формулы, с помощью которых приводятся сведения о наличии у владельца двора работников, постояльцев и приемных детей. Отмеченные формулы характерны не для всех источников. Полностью отсутствуют они в документах Ростова и Вологды, частично – в переписной книге Москвы и Устюжны.

Сведения о наличии работника в книгах Балахны, Устюга, Вятки выражаются общей формулой у него работнои человѣкъ (работникъ). Вариантом ее в документах Балахны является устойчивое предложение более сложного состава у него въ наимѣхъ (изъ наиму) посадскои человѣкъ (с. 38 и др.). В переписнои книге Вятки варианты основной формулы отличаются распространением данной конструкции за счет введения имени прилагательного, в результате чего сведения о работниках приобретают более точный характер: у него срочнои работникъ, у него срочная работница – с. 68, 70 и др. [17, 94], у него работникъ вольнои (с. 68), у него работникъ годовой (с. 64, 67 и др.): у него срочные работники Иванъ Петровъ с. Ермолинъ, срочнои же работникъ Агѣи Никитинъ с. Зезевъ (с. 61), у него работница вольная Агафья Макарова дочь 15 л. (л. 68) и др. Ср. также: у него работники живут по записям на урочные годы: Юда Григорьевъ Лаптевъ... (с. 62), у него работникъ годовои Иванъ Борисовъ с. Юрловъ (с. 67). "Срочные работники работают из дачи ношевного платья и из дневные пищи", – так пишет о данной группе населения вятский историк А. Спицын [19, 146].

Не отличались однообразием и формулы, с помощью которых приводились сведения о постояльцах. Почти в каждом источнике наблюдался свой устойчивый штамп, который мог варьироваться. В переписной книге Москвы полная формула – сообщение о постояльце имела вид у него въ подклѣтѣ живетъ жилецъ (житель) – с. 6, 9,

10, 15 и др., варианты ее – у него въ подклѣте живетъ (с. 11), у него живетъ житель (с. 6, 10), у него живетъ (с. 90 и др.), у него на дворѣ (с. 13 и др.); у него жъ въ подклѣте живетъ Садовой слободы Тишка Евдокимовъ (с. 11) и др. В книгах Устюга наиболее активная формула у него жъ на подворьѣ (с. 94, 96 и мн. др.), варианты ее – у него подворникъ (подворница) – с. 85, 86, 87, 96, 99 и др. и у него подсосѣдникъ (с. 106, 109, 110 и др.); у неѣ на подворьѣ зять Федька Ильинъ (с. 103), у него жъ подворникъ съѣзжие избы приставъ Митка Югов (с. 96), у него подсосѣдникъ заплешнои мастеръ Васка Федоровъ (с. 110) и пр. Формула у него подворникъ (подворница) активна и в вятских книгах: у него подворникъ Прокопии Алексѣевъ с. Рыболовлевъ (с. 68), у нее подворница вдова Домна Кирилова дочь Семеновская жена Бачурикина (с. 69) и др. Слово подворникъ широко употреблялось в деловой письменности русского Севера XУI–XУП вв. в значении 'категория низшего слоя сельского и городского населения' [9а, 245]. В севернорусских вологодских и сибирских говорах XIX в. подворник сохранилось в значении 'жилец, постоялец', в нижегородских – 'шатун', 'батрак, работник' (Д, Ш, 166). Подсосѣдники (подсусѣдники) – жильцы, свободные, лично независимые люди. Они могли быть братьями, сыновьями хозяина [25, 324].

Запись о постояльцах в переписной книге Балахны имела вид живетъ въ сосѣдяхъ ("живетъ въ сосѣдяхъ посадцкои человѣкъ Петрушка Мыленинъ" – с. 56). В Устюжне, в зависимости от наличия или отсутствия у постояльцев родственных отношений с хозяином, прибегали к одной из двух формул-предложений: во дворѣ жилецъ (вариант – во дворѣ) или съ нимъ же братъ (тетка, дядя и пр.): Во дворѣ посадская жилица вдова Катерина Ивановская жена Жукова (л. 62 об.), съ нимъ же ... братъ его роднои Андрѣи 16-ти лѣтъ, холостъ, да тетка ево вдова Хавронья Макарьевская жена 60 лѣтъ, бездѣтна (л. 61).

Характерно, что рассмотренные формулы сложились в результате трансформации застывших оборотов, характерных для писцовых книг старорусских городов XУI в. Ср. у него въ подклѣтѣ, у него на дворѣ сусѣдъ (шабры) – Торопец [там же, 63], у него подсусѣдникъ – Ладога [там же, 40] и др.

Формулы, сообщающие о приемных детях, отмечены только в книгах Балахны, Устюжны и Вятки. В первых двух употребляется устойчивый оборот у него (у них) приимышъ: у него приимыши Прон-

ка Степановъ с. Жеминъ I2 л., Якимко Енфеначенков 6 л. (Бал., с. 39); у нихъ приимышъ Денисъ Богдановъ I2-ти лѣтъ (Устюж., л. 59 об.). Составители вятской переписной книги в состав формулы ввели местные слова: у него покорменокъ (покорменица), вариант - у него покорменица осталец. Ср.: у него покорменокъ Козма Петровъ Швецовъ I2 л. (с. 7I); у нихъ же покорменокъ дѣвица Евдокия Иванова дочь Кононова I0 л. (с. 20); у него покорменица осталецъ Федосья Сидорова дочь Микулина II л. (с. 75) и др. Покорменок, покорменица известны в северовосточных и сибирских говорах в значениях 'приемыш, чужое дитя, взятое на воспитание' (Д, Ш, 239), а осталец 'оставшийся в живых', осталица - 'дочь, оставшаяся по смерти родителей, сирота'. Арх. Опыт I44 .

Сопоставительный анализ основной, наиболее частотной клаузулы свидетельствует о том, что писцовые и переписные книги относятся к такой разновидности письменно-деловой речи, которая имеет значительную специфику в разных письменно-областных центрах. Составленные в разных городах книги отличаются степенью полноты подачи сведений, отсутствием более или менее единого формуляра и самое главное - незначительным количеством общих, единых для всех письменно-областных центров формул или клише, характерных для данного жанра деловой письменности.

Заметно, что в деловой речи именно в этот период происходит становление ряда норм в области антропонимической системы: а) все активнее устанавливается трехчленная модель именования всего городского населения независимо от сословной принадлежности, за исключением лиц духовного звания, имеющих двукомпонентное именование, б) развивается единообразие в оформлении фамильного прозвания, а позже фамилии (с суффиксами -овъ (-евъ), -инъ (-ынъ), в) личное имя горожанина любого сословия все активнее выступает в деловых документах в полной форме и т.д.

Однако в связи с тем, что данный период представляет собой начальный этап формирования национального языка, эти нормы не имеют строгой устойчивости, закрепленности во всех письменно-областных центрах Русского государства. Если в таких центрах , как Вятка, Устюг, Балахна, Вологда, Ростов трехчленная формула именования действительно теряет социальную обусловленность, то в деловой речи Москвы и отчасти Устюжны в конце XVII в. сохраняется двухкомпонентная модель именования для низшего городского сословия. Об известной зыбкости нормы свидетельствует еще и отсутствие

устойчивости трехчленной формулы именования. Только в вятской переписной книге третий компонент в составе модели во всех без исключения случаях выступает в форме фамильного прозвания. В документах Ростова, Устюга, Балахны, Вологды он может отсутствовать, в результате чего составители вынуждены прибегать или к названию профессии именуемого или к его фамильному прозвищу, не оформленному специальным суффиксом и характерному для разговорно-обиходной речи.

Недостаточная устойчивость антропонимической нормы находит подтверждение в одно-, дву- и трехчленной моделях именования духовных лиц, трех-четырех- и пятичленной формулах именования женщин. Об этом же свидетельствует вариативность нормы в одном и том же письменно-областном центре (именование женщины по мужу на -ская или на -ова (-ева), -ина в Устюге и Вятке, дву- и трехчленная модели именования посадского и служилого населения в Устюжне и т.д.).

Анализ писцовых и переписных книг неопровержимо свидетельствует вместе с тем и о том, что трехчленная модель именования низших слоев городского населения, ставшая впоследствии общерусской официальной нормой, раньше чем в других письменных центрах, закрепляется на Северо-Востоке, где самой многочисленной категорией населения были государственные (черносошные) крестьяне. У большинства черносошных крестьян и ремесленников Двинского, Устюжского, Сольвычегодского, Хлыновского (Вятского) уездов, Пермской земли в отличие от крестьян крепостнического центра фамилии определились уже в XVI веке [9, 101]. Переписная книга Москвы отражает наличие двучленной модели именования, т.е. отсутствие фамильного прозвания у посадских и служилых людей даже в конце XVI в. Этот вывод подтверждается документами иных жанров, написанными в Москве в XVI в. [10, 291-324].

Если в закреплении трехчленной модели именования посадского и ремесленного населения как нормы деловой речи приказной язык Москвы играл незначительную роль, то употребление в составе именования личного имени в полной форме идет из центральных городов: в Ростове Великом полная форма имени отмечена, например, уже в переписной книге второй половины XVI в., хотя в других письменно-областных центрах она начинает распространяться только в начале XVII в. Единообразие в оформлении фамильного прозвания, а позже фамилии с помощью суффиксов -овъ (-евъ), -инъ (-ынъ) также свя-

зано с письменными центрами средней полосы.

Писцовые и переписные книги старорусского города, в зависимости от степени литературной обработанности документов, отражают особенности обиходно-разговорной речи старорусского города. Среди исследуемых источников самой высокой степенью литературной обработанности обладает переписная книга г. Москвы: в ней не допускаются неофициальные именования горожан, отсутствуют диалектные слова.

Наиболее ярко отражена антропонимическая система в ее обиходно-бытовом преломлении в книгах Ростова, Устюга, отчасти Вологды и Балахны. Трехчленная формула именования посадских и служилых жителей старорусского города – это особенность только письменно-делового языка. В бытовом общении горожане именовались с помощью одного личного имени (в первой половине XVII в. в Ростове, например, в активном употреблении сохранялись еще неканонические личные имена, называвшиеся в более поздних переписных книгах "прозвищами": Фролка, прозвище (Грязка), личного имени и отчества, личного имени и фамильного прозвища (Федка Колча). Такие же способы именования характерны были и для женщин (в Устюге, например: Оксиньица Михайлова жена Шарова – официальное имя, Оксиньица Шариха – обиходно-разговорное).

Рассмотренные способы именования были распространены во всех отмеченных городах. Вкрапления народно-разговорной речи в антропонимические формулы не наблюдается, например, в переписной книге Вятки, но это свидетельствует лишь о высокой степени литературной обработанности антропонимии в данном источнике, а не о том, что и в устном общении у вятчан была в обиходе трехчленная модель.

В ряде северо-восточных городов (Устюг, Вятка, Пермь)с давней, устойчивой письменной трехчленной моделью именования могли, по-видимому, употребляться в обиходно-разговорной речи двучленные конструкции с фамильными прозваниями, оформленными с помощью локальных формантов -ыхъ (-ихъ), -скихъ (-овскихъ), -ово, указывающих на принадлежность именуемого не отцу, а целому роду или данных по названию деревни (Максимко Дорониныхъ, Ивашко Копыловскихъ и др.).

Как видно из рассмотренного выше, в писцовых и переписных книгах нашли широкое отражение особенности разговорно-обиходного языка старорусского города, связанные с антропонимией. Вкрап-

ления местной апеллятивной лексики менее значительны и отмечены в составе формул в книгах Устюга и Вятки (срочнои работникъ, подсосѣдникъ, подворникъ, покорменокъ, осталецъ). Данные включения свидетельствуют о том, что в тот период диалектная лексика в равной степени была характерна как для сельских, так и городских жителей и что формирование ее было связано не только с сельской местностью, но и городом.

Литература

I. Астахина Л.Ю. Русские сельскохозяйственные книги XУI–XУП вв. как лингвистический источник АКД. М., I974.
2. Бондарчук Н.С. Лексика Тверской писцовой книги начала XУП в. (К проблеме тематической группы). – В сб.: Среднерусские говоры. Калинин, I985.
3. Волков С.С. Стилевые лексико-фразеологические средства деловой письменности XУП в. (На материале челобитных). АДД. Л., I980.
4. Дерягин В.Я. Русская деловая речь на Севере в XУ–XУП вв. АДД. М., I980.
5. Зинин С.И. Принципы построения словаря русских фамильных прозваний XУП в. – В сб.: Перспективы развития славянской ономастики. М., I980.
6. Зинин С.И. Русская антропонимия XУП–XУШ вв. (На материале переписных книг городов России). АКД. Ташкент, I969.
7. Книга переписная г. Вологды с мерой I7II и I7I2 гг. переписи и меры И. Шестакова и В. Пикина – ГАВО, ф. 2 р, № 7847.
8. Книга переписная Московского Китай-города в XУП в. описи I995 г.). Сообщил А.Н. Зерцалов. – ЧОИДР, I893, кн. 2, отд.I.
9. Колесников П.А. Опыт генеалогии И.В. Бабушкина. – В сб.: Материалы истории Европейского Севера СССР. САС, вып. 3. Вологда, I973.
9а. Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.–Л., I957.
I0. Московская деловая и бытовая письменность XУП в. М., I968.
II. Переписная книга Вятки I7I0 г. – В кн.: Вятка. Материалы для истории города XУП и XУШ столетий. М., I887.
I2. Переписная ландратская книга Устюжны Железопольской I7I3 г. – В кн.: Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, I970.

I3. Переписные книги Ростова Великого вт. пол. XVII в. – РИБ, т. II, СПб., I889.
I4. Писцовая книга Балахны I674–76 гг. – В кн.: Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Сб. т. XV, в. I. Н.Новгород, I9I3.
I5. Писцовая книга Устюга Великого I676 г. – В кн.: Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., I883.
I5а. Писцовая книга Устюга Великого I630 г. – В кн.: Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий.
I6. Полякова Е.Н. Лексика пермских памятников XVII – начала XVIII вв. (К проблеме делового языка как функциональной разновидности русского литературного языка). АДД, Л., I983.
I7. Полякова Е.Н. О редактировании пермских деловых документов XVII – начала XVIII в. – В кн.: Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 3.
I8. Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII в., т. I, вып. I и 2. Киев, I9I7–I9I9.
I9. Спицын А. Земля и люди на Вятке в XVII столетии. Вятка, I886.
20. Тихомиров М.Н. Население Дмитрова в XVII в. и начале XVIII в. – В кн.: Тихомиров М.Н. Российское государство в XV–XVII вв.
2I. Тихомиров М.Н. Приказное делопроизводство в XVII в. – В кн.: Тихомиров М.Н. Российское государство в XV–XVII вв. М., I973.
22. Чайкина Ю.И. История профессионально-должностных фамилий Вологды. – В кн.: Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, I984 г.
23. Чайкина Ю.И. Названия лиц, занятых в сельском хозяйстве в монастырских книгах XVI–XVII вв. – В кн.: Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 3, I984.
24. Чайкина Ю.И. Названия лиц по ремеслу и занятиям в деловой письменности русского Севера XVI–XVII вв. (На материале прихода-расходных книг Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого монастырей). – В кн.: Севернорусские говоры. Вып. 4, ЛГУ, I984.
25. Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI в. СПб., I889.
26. Чичагов В.К. История русских имен, отчеств и фамилий. М., I959.
27. Щетинин Л.М. Русские имена. Изд. РГУ, I975.

Б.А. Дюбо, Е.Д. Коноплина

ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОЙ НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ С ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ В ПЕРЕВОДАХ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

В XVIII в. в России формируется язык науки, неотъемлемой частью которого является научная терминология. Значительная часть терминов в языке XVIII в. возникала в процессе переводов научных трудов. В настоящей работе рассматриваются термины, образованные от имен собственных в переводах с немецкого языка. Переводы с немецкого языка в России XVIII в. (особенно первой половины) легли в основу многих руководств, специальных книг, курсов, по ним осваивали науку. Материалом для данной работы служат "Примечания к Ведомостям" – первый в России научный журнал, издававшийся с 1728 по 1742 г., а также ряд научных книг, переведенных в России в то время (Г. Крафта, Л. Эйлера, И. Бухнера, Э. Вейсмана, Х. Вольфа, работы М.В. Ломоносова, изданные им на русском и параллельно на немецком или латинском языках и нек. др.). На основе сплошной выборки из этих источников собрано 260 терминов, включающих имена собственные. Но переводы с немецкого привлекают внимание не только количественной стороной. Они вызывают интерес и тем, что немецкий язык имел к началу XVIII в. довольно богатый опыт терминотворчества. В России тоже существовала своя история создания научных трудов и давняя традиция переводов [4], но в области науки – не такая богатая. В немецкоязычной же науке еще до XVIII в. известны созданные на немецком языке или переведенные на немецкий трактаты по математике, геометрии, астрономии. И конечно же выделяется научная деятельность Христиана Вольфа, с именем которого связывается создание немецкого языка науки XVIII в. Свои взгляды на создание немецкой терминологии он излагает в работе "Ausführliche Nachricht" [14]. Вольф руководствуется следующими принципами: не изобретать новые термины, если известны и являются общепринятыми прежние немецкие; избегать иностранных слов и дословных переводов, а образовывать вместо них слова, соответствующие нормам немецкого языка; придавать слову свойственное ему значение, которого в дальнейшем неизменно придерживаться [там же, 29–36]. Претворение в жизнь взглядов Хр. Вольфа на терминологию способствовали не

только написанные им на немецком языке труды, но и Математический словарь (1716), где он определяет значение каждого термина. О том, сколь прочно вошла немецкая терминология в научную литературу первой половины XVШ в., свидетельствует в частности тот факт, что в исследованных нами немецкоязычных текстах встретилось лишь 12 терминов на латинском языке, образованных от ИС, часть из них употребляется для того, чтобы избежать неясности даваемого тут же немецкого термина, или чтобы дать этимологию немецкого термина.

В аспекте формирования русской терминологии немецкие источники для перевода представляют особый интерес, так как немецкий язык, как мы увидим, обладал значительно большим разнообразием способов создания терминов от имени собственного. Это обстоятельство может способствовать выявлению специфики русского терминотворчества и служить экспериментальной проверкой устойчивости или наоборот - недостаточного развития определенных русских моделей, по которым шло формирование соответствующего русского термина.

В немецком языке первой половины XVШ в. словосложение было довольно распространено. Особенно широко оно развернулось с XУ в., когда род.п. стал превращаться в первый компонент сложного слова. Вовлечение имен собственных (ИС) в словосложение в широком масштабе, как отмечает В.М. Павлов [13, 18], падает на поздний нововерхненемецкий; в период до 1730 г. оно имеет еще второстепенное значение. Однако, в научной терминологии в силу особой важности для нее экономии языковых средств композиты с ИС уже находят довольно широкое распространение. Прежде всего это касается композитов с ИС, где последние сопровождаются в их самостоятельном употреблении артиклем и в этом более схожи с именами нарицательными (далее - ИН) к примеру, астрономические названия: der Mond - Луна); например: die Erd = Kugel (ПВ 1738 49 - земной глобус. Композиты типа Parmesankäss (Вейсман 462) - Пармезанский сыр еще очень редки. Однако для рассматриваемого периода характерно отсутствующее в современном словосложении с ИС образование композитов с соединительным согласным s. Особенность проявляют сложные слова и в правописании. Как отмечает И. Готшед, сложилась традиция слитного написания композитов, бытующих давно в языке, типа Grossvater , но не прививается слитное написание слов, недавно возникших, их пишут через дефис, например: Last=Wagen [10, 173]. Термины с ИС, как и другие новообразования, также пишут в немецком 2 половины XVП - I половины XVШ в.

через двойной дефис (=) die Sonnen = Tabellen (Лом. СС I778 603). Употребление ИС в атрибутивной функции как компонента сложного слова, а не словосочетания свидетельствует о лексикализации, т.е. о тесной смысловой связи ИС с определяемым ИН, что является необходимым признаком термина, выражающего профессиональное понятия. Закреплению новых семантических свойств компонента ИС в композите способствовало и рассмотренная выше деятельность Хр. Вольфа, который давал определения терминам и успешно утверждал их в своей научной и лексикографической деятельности. Употребление в качестве терминов таких образований , как der Jacobs=Stab (W.m.L. 336), свидетельствует о том, что, несмотря на генитивную флексию -s , данное образование есть композит, признаками этого является дефисное написание и употребление композита с артиклем определяемого слова - ИН. Употребление композитов в "неполносложной форме" явление новое, характерное для нововерхненемецкого периода [9, 201]. Эти, хотя и отмеченные нами в малом количестве примеры "неполносложных" композитов свидетельствуют о том, что в подъязыках науки процесс лексикализации, т.е. образования композитов, в XVШ в. характеризуется большим многообразием форм последних, чем в общелитературном языке, где, по мнению В.М. Павлова, композиты с ИС резко противопоставляются словосочетаниям с ИС именно благодаря отсутствию флексии род.п. -s и -ns у композитов [I3, I8].

Другим способом терминообразования от ИС в немецком языке XVШ в. служили генитивные словосочетания. Эти словосочетания в данный период развития немецкого языка характеризуются в терминологии тем, что в отличие от современной терминологии, для которой возможны лишь постпозитивные ИС в род. п., в рассматриваемый период употребительно, как и в общелитературном немецком языке того времени, препозитивное употребление ИС. В общелитературном немецком языке этому способствовало, по мнению В.Г. Адмони, то что ИС выражает "нечто более определенное, индивидуальное" и нет опасности смешения со сложным словом [I, 287]. Например: die Streifen des Jupiters (W.m.L. 6I9). Оформление род.п. ИС в начале XVШ в. значительно отличается как от предшествующего ранненововерхненемецкого, так и от современного периода немецкого языка. В начале ранненововерхненемецкого не различались флексии личных и нарицательных имен. Поэтому неудивительно, что первые немецкие грамматики в XVI в. ничего не говорили об особой

флексии ИС. Следует заметить, что первое подробное рассмотрение склонения ИС (как иноязычных, так и немецких) было дано И.Аделунгом в 1782 г. В своей грамматике он в частности сожалеет, что склонение ИС, как и иностранных НС, не рассматривалось до сих пор лингвистами, хотя оно имеет много особенностей [8, 510], неизменяемые (иноязычные) ИС, как отмечается Аделунгом и его предшественником Готшедом (рассмотревшим лишь склонение иноязычных ИС), получают артикль, латинские и греческие ИС могут изменяться по латинскому склонению. В остальных случаях использовались немецкие падежные флексии [там же, 511; 10, 409–410]. Для ХУШ в. Г. Пауль отмечает максимальное различие форм род. п. мужских личных имен по смешанному сильному и слабому типу [12 П, 155]. Для род.п. в частности характерно появление флексии -ens после шипящих и безударного е – у немецких имен и латинских, утративших латинские суффиксы, и в нек. др. случаях, например: Voss – Vossens. Аделунг выделяет для имен собственных 4 типа склонения (523–530). Это свидетельствует о том, что морфологическое оформление род.п. у ИС было более разнообразным, чем в современном немецком языке. Рассмотренные нами терминологические генитивные сочетания полностью отражают морфологическое оформление род.п. Интересно отметить, что, несмотря на латинские окончания род.п., ИС может сопровождаться и артиклем: der Tubus des Heuelii (ПВ 1738 35) – Гевелиева зрительная труба (35).

Определительные отношения могут быть выражены и с помощью предлогов. В общелитературном языке по сравнению с ранненововерхненемецким возросло число предложных конструкций с von . Развитие этих дополнительных средств выражения грамматических отношений между определяемым и определением объясняется перестройкой группы существительного, в результате которой нормой стала постпозиция имени в род.п., и некоторыми изменениями в области употребления артикля. Однако в терминологии ХУШ в. этот способ выражения не имеет широкого распространения. Отмечены единичные примеры, типа: die Erde von Tripoli (Крафт, Геогр. 123) – Триполитанская земля.

Синонимичной композиту конструкцией представлено в рассматриваемый период и словосочетание прилагательное + существительное. В составе термина относительное прилагательное, образованное от ИС, служит для видовых обозначений, как и ИС в композите. Число таких терминов-словосочетаний в наших материалах около 200; преи-

мущественно оттопонимические прилагательные – 147, отантропонимических – 50; например: die Augspurgische Maschine (ПВ 1735 338) – Аугспургская машина, die Torricellianische Röhre (ПВ 1734 133) – Торрицеллианская трубка. Рост числа прилагательных, образованных от собственных личных имен и имен с местным значением наблюдается лишь в XIX в. [5, 14]. Однако в терминологии эти прилагательные уже в XVШ в. находят очень широкое применение. Как правило, прилагательные, образованные от ИС, находятся в терминологических сочетаниях в препозиции и склоняются. Однако несмотря на то, что в ранненововерхненемецком периоде общелитературного языка несклоняемые прилагательные были распространены лишь до конца XVI в. [11, 225], а затем вытеснены склоняемой формой прилагательного, с XVП в. несклоняемые формы прилагательных ограничиваются в своем употреблении только в сочетаниях с существительными среднего рода [12, Ш, 89]. Это в основном относится к рассматриваемой терминологии начала XVШ в., где отмечаются терминологические сочетания с несклоняемыми прилагательными наряду со склоняемыми; ср.: man soll 1 fl. Holländisch Geld dividieren durch... (Эйлер П 162), надлежит i Голландской гулден раздѣлить на..; Es ist gegeben diese Summ Holländisches Geld... (Эйлер П 172) – Голландскими деньгами заданы... Отличительной чертой адъективного словопроизводства немецкого языка является ограниченный по сравнению с другими европейскими языками состав используемых для этого суффиксов. От ИС прилагательные образуются с суффиксом -sch как от топонимов, так и от антропонимов: die Magdeburgischen Halb=Kugeln (W.m.L., 698), das Glauberische Salz (ПВ 1739 69). В ряде случаев в прилагательных суффикс -isch является плеонастическим, поскольку он следует за (восходящими к латинскому суффиксу -n) суффиксами -in, -an с тем же значением отнесенности к кому-, чему-л. Ср. сосуществующие в языке: die Neperianische Stäblein (Pl) (ПВ 1739 274) – Непериановы бруски и Neperische Stäblein (W.m.L., 234).

От ИС – названий городов образуются прилагательные с суффиксом -er: die Leipziger Schenk=Kanne (Арт. Бух. 30) – лейпцигская кружка (мера сыпучих тел). Интересно отметить написание через дефис das Schwalbacher=Wasser (ПВ 1739 67) – Швабахский колодезь.

Таким образом, русские переводчики (в их числе были академики и академические переводчики Вас. Адодуров, Ив. Голубцов,

Вас. Кузнецов, М.В. Ломоносов и ряд др.) столкнулись при переводе терминов, включавших ИС, с различными способами выражения в языке-источнике определительных отношений: словосложением, генитивными сочетаниями, сочетаниями с прилагательными и конструкциями с предлогами. Для русского языка рассматриваемого периода будет несущественен ряд проблем развития немецкого языка и формирования терминологий с ИС - в частности, проблема артиклей, словосложения, разнообразных дополнительных - предложных средств выражения. Русский язык этого времени имел свои возможности выражения различного рода определительных отношений, которые связаны в первую очередь с категорией прилагательных и, как увидим дальше, в меньшей степени с категорией существительных.

Русские переводчики переводили немецкий текст с максимальной приближенностью к источнику. К участкам, содержащим термины с ИС переводчики относились предельно внимательно. Соответственное включение ИС в русском тексте наблюдается регулярно. Отклонения крайне редки (2 случая). Ср.: **Weinhefen = Brandtewein** (Арт. Бух. 269) - ренские дрозжи (46): в немецком названии нет ИС, оно появляется в русском. Особенностью немецкого текста (например, Примечаний к Ведомостям) является частое включение латинских слов, названий. Например: **Daher es denn auch den Namen Oleum Medeae bekommen** (АВ 1739 214). В русском тексте все эти названия последовательно переводятся. Ср.: И для того нефть, Медейным маслом названа (214) и т.д. Иногда латинское название в русском тексте транслитерировалось. Такие случаи встречаются обычно в текстах, где содержится развернутое толкование термина. Например: **Chasmata, so nannte man die Nord=Lichter bis auf Petr. Gassendum, welcher ihnen zuerst den Namen Aurora Borealis, oder Nord=Schein, Nord=Röthe gegeben** (ПВ 1730 127) - Хасмата, так именовались сѣверные сияния до Петра Гассенда, которой первым был, которой оные Аурора Бореалис, или сѣверным сияниемъ, сѣверною краснотию назвал (127). В отдельных случаях русский текст сохраняет латинское название; при этом дается его перевод, который иногда даже сопровождается добавлениями, отсутствующими в немецком тексте. Например: **Oehl... wovon in dem Commerc: lit: Norib: 1731 sub Titul: Terra Hannoverana gemeldet wird** (ПВ 1739 213); в русском: / масло / о котором в Норинбергском ученом собрании 1731 году под титулом **Terra Hannoverana** , то есть Гановерская земля упоминается (213). Добавления встречаются так-

же и к некоторым немецким терминам. Так, в ряду немецких синонимичных терминов der Cyprische oder Ungarische Vitriol (ПВ I729 I35) - помимо Киприйского или Венгерского купороса появляется в русском тексте еще Турецкий (I34). Нередко при объяснении латинского слова в русском тексте помещалась транслитерация. Например: Dass eine Zeit von fünff Jahren bey denen alten Römern Lustrum, bey denen Griechen aber Olympias genennet wurde (ПВ I73I I4) - Время в пяти лѣтах состоящее у древних Римлян Lustrum Луструм, а у Греков Olympias Олимпиас называлося (I4-I5). Эти сопоставления немецкого и русского текстов наглядно свидетельствуют о стремлении русских переводчиков ничего не оставлять без перевода, а также о тщательности передачи терминологии, включающей ИС. Кроме того, перевод латинских вкраплений в немецкий текст дает возможность частичного привлечения переводов с латинского (в частности в данной работе используется латинская часть математического словаря Вольфа и словаря Вейсмана, а также перевод Физики Вольфа на латинский язык, выполненный А.Ф. Тюммигом, и русский перевод с латинского, предпринятый Ломоносовым и нек. др.).

Обратимся к конкретному материалу и посмотрим, как решались русскими переводчиками задачи перевода и формирования русских терминов, включающих ИС. Все названия, включающие ИС, встретившиеся в наших материалах, можно разделить на несколько лексико-семантических групп. Основную группу назывных сочетаний с ИС составляют термины, обозначающие названия многочисленных приборов, механизмов, изобретений, а также теорий, систем, опытов, методов исследования. Другая, не менее многочисленная группа представлена названиями различных веществ и химических соединений. Поскольку способы образования терминов этих лексических групп во многом совпадают, то рассматривать в работе их целесообразно вместе. В обеих названных лексических группах в русском языке термин, как правило, строится по модели прилагательное ИС + сущ.; производящей основой прилагательного являются I) антропонимы или 2) топонимы.

I. Рассмотрим образования от антропонимов. Из ряда существовавших в русском языке к XVШ в. моделей для образования прилагательных от антропонимов выделяются наибольшой продуктивностью - прилагательное от ИС, образованное с помощью суффиксов -ов, -ев + существительное и - в меньшей степени - прилагательное ИС; образованное с помощью суффикса -ск- + существительное. Сочета-

ние существительного с род.п. сущ. ИС[I] примечательно перспективой своего будущего развития (наиболее продуктивной моделью в современном русском языке при образовании терминов от антропонимов является эта модель). Все перечисленные модели употреблялись и с ин; однако притяжательные прилагательные на -ов, -ев, (-ин) от ИН уже в XУШ в. начинают выходить их употребления. Значительное развитие получают прилагательные на -ский, имеющие более абстрактную связь с существительным, от которого они образуются. Посмотрим, в каком соотношении образования по этим моделям употреблялись в рассматриваемом нами материале. Самую многочисленную группу составляют термины, обозначающие приборы.., методы исследования, организованные по модели прилагательное ИС (-ов, -ев) + сущ. (40 примеров); реже по этой модели образуются названия веществ, химических соединений (4 случая). Например, названия машин, приборов: **Potterische Maschine** (Крафт Мех. I3) - Поттерова машина (I6) и т.п. Из названий химических соединений можно привести сочетание Глауберова соль (ПВ I729 70). Приведем примеры из переводов с латинского языка - русские термины будут формироваться по той же модели: **Machina Muschenbrockiana** - Мушенброкова машина (Лом. СС I778 I98), **Methodus Neutonianus** (Thüm. Влф. физ. 3I7) - Невтонов способ (Лом. Влф. физ. 95) и др. Несколько реже от антропонимов образуются прилагательные с суффиксом -ск- (в наших материалах I7 примеров). Приведем названия приборов, машин: **das Gregorianische Telescop** (Лом. СС I778 60I) - Григорианская труба (зрительная), **Orffyreische Perpetuum Mobile (Rad, Maschine)** (ПВ I729 320, 32I) - Орфиреиское Перпетуо Мобили (колесо, машина) (228, 225, 224). Из переводов с латинского: **Inventum Guerickanum** (Thüm. Влф. физ. 256) - Гериккианское изобрѣтение (Лом. Влф. физ. I9). Названия веществ, химических соединений по этой модели также образуются не часто; ср.: **Adamische Erde** (ПВ I73I I33) - Адамская земля (I33). В приведенных выше немецких примерах термин строится с прилагательным от антропонима на **-isch** и существительным. В русском переводе получается калька или полукалька. Во всех случаях, когда в языке-источнике использована какая-либо иная, специфическая для немецкого языка возможность образования термина, русские переводчики, как правило, производят замену

[I]Эта конструкция чаще употреблялась при наличии какого-л. прилагательного, вклинивающегося между существительными.

на конструкцию с прилагательным (чаще – с прилагательным на -ов, -ев, реже – на -ский). Ср. немецкое сложное слово: **der Herons=Brunnen (W.m.L.,645)** – в русском переводе это Геронов фонтан; **Tschirnhausischen Brenn=Gläser** (ПВ 1735 254, 264) – русские переводчики раскладывают немецкий термин на трехсловное сочетание – Чирнгаузовы зажигательные стекла (216, 226). Ср. также немецкий термин, организованный оборотом со словом **manier** (.. по методу, на манер..): **die Fahrenheitische Manier Thermometer** (ПВ 1734 180) – переводится Фаренгейтские термометры (184). Кстати отметим, что термин Фаренгейтский термометр в XVIII же веке был заменен термином с прилагательным на -ов. В КСлРЯ XVIII в. представлен термин Фаренгейтов термометр (а также другие названия термометра, созданные по модели с прилагательным от антропонимов на -ов); например: / способ измерения / по старым Флорентинским Термометрам, а другой чрез новые с постоянными точками, каковы Фаренгейтов, Реомуров и Делилев (ЕС 1763 III 273 и др.). Как видно из сопоставления немецких и русских текстов, переводчики в этих случаях используют русскую модель прилагательное ИС (-ов, -ев или -ский) + сущ., что несомненно свидетельствует об устойчивости и продуктивности в рассматриваемый период моделей с прилагательным от ИС, особенно на -ов, -ев. Кроме того, в русском языке явно прослеживается специализация моделей с прилагательными на -ов, -ев и на -ский: термины от топонимов образуются, как мы увидим ниже, по модели с прилагательными на -ский; термины от антропонимов – в основном – по модели с прилагательным на -ов, -ев и несколько реже с прилагательными на -ский. Наглядным подтверждением этого является название одной и той же противопожарной машины, созданной в городе Аугспурге изобретателем Грейлом. Эта машина именовалась и по названию города, и по имени ее создателя. В немецком тексте оба названия машины строятся по одинаковой модели с прилагательным от ИС с суффиксом -isch: **Augspurgische Maschine** (ПВ 1735 331, 338), **Gräylische Maschine** (336); в русском переводе сочетание от топонима переводится по модели с прилагательным на -ский: Аугспургская машина (293, 298), а сочетание от антропонима – по модели с прилагательным на -ов: Грейлова машина (296). А вот образование терминов в данных лексических группах по модели сущ. + род. п. ИС – не получило еще в русском языке достаточно широкого распространения. Мы располагаем всего тремя примерами таких образований, и то требующими оговорок. **Sonnen = Tabellen**

des Hrn. de la Caille (Лом. СС 1778 603) – солнечные таблицы.. Господина дела Каллье. В этом случае мы имеем довольно распространенное по структуре (не двухсловное) название, что могло способствовать употреблению именно конструкции сущ. + род. п. ИС. Другой пример: Valvassors Tinctur (ПВ 1731 156) – переводится: Валвазора тинктура (162); или Hellwigs gestocktes Queck= Silber (ПВ 1731 83): Гелвига нерасплывающаяся ртуть (83). В обоих последних случаях в немецком языке употреблена конструкция род. п. ИС + сущ. Русский язык сохраняет эту конструкцию, похоже даже копирует, так как не меняет порядка слов (на прямой, более свойственный русскому языку). Кроме того, в другом тексте, где в немецком употреблен тот же термин Hellwigs gestocktes Queck= Silber (ПВ 1731 150), русские переводчики заменяют конструкцию род.п. ИС + сущ. конструкцией с прилагательным на -ов: Гелвигова нерасплывающаяся ртуть (154). И такой случай замены не единственный. Ср. в немецком тексте (с сохранением латинских названий): der Tubus des Hevelii Cassini – на русском: Гевелиева зрительная труба .. Кассиниева /зрительная труба/ (ПВ 1738 35 (35). Такая же замена происходит и при переводе с латинского языка: experimentum Jungnickeli (Thüm. Влф. физ. 367) – Юнгникелев опыт (Лом. Влф. физ. 156) и т.п. Приведенные сопоставления еще раз подтверждают продуктивность в русском языке этого времени модели прилагательное от ИС (-ов, -ев) + сущ. и довольно слабое распространение модели с род. п. ИС при образовании терминов в группах, называющих приборы, механизмы; химические соединения. С моделью сущ. + род. п. ИС мы еще встречаемся в астрономических терминах. Например: in den Gürtel der Andromeden . (ПВ 1739 22) – в поясѣ Андромеды (22). Однако опять – возможное образование Андромедин – от сущ. жен. рода с суффиксом -ин и у ИН очень редкое, выходящее из употребления. Кроме того, и в группе астрономических терминов достаточно часто русские переводчики все же прибегают к замене предлагаемой немецким источником конструкции сущ. + род. п. ИС устойчивыми конструкциями с прилагательными на -ов, -ев. Например: die Keule des Orions (ПВ 1739 22) – переводится булава Орионова (22). Таким образом, можно заключить, что для терминов, называющих приборы, механизмы (в меньшей степени – химические соединения), образованных от антропонимов , в I половине XVIII в. модель прилагательное ИС (-ов, -ев) + сущ. является весьма продуктивной. Ряд названий,

созданных по этой модели, вошли в терминологию современной физики и химии (ср. Архимедов винт, Геронов фонтан, Торричеллиева пустота, Глауберова соль и др.). И если притяжательные и относительные прилагательные на -ов, образованные от ИН, довольно быстро вытесняются из языка, то сочетания с ИС (на -ов) в составе терминов задерживаются, благодаря тому, что они имели в языке специальное назначение дифференциации образований от антропонимов (отличая их от топонимических образований - с суффиксом -ск-). Кроме того, в этих терминах значение принадлежности (ярко выраженное в случае с нарицательным существительным) явно отступало на второй план, выдвигая вперед понятие соотнесенности с именем ученого, внесшего своим открытием или изобретением вклад в науку. Этот способ образования оказывался еще долго продуктивным в случае иноязычных имен (с чем мы и столкнулись в нашем материале), а также в случае некоторых русских фамилий не на -ов, -ев. Русские же фамилии, оканчивающиеся в своем большинстве на -ов, -ев (генетически связанные с прилагательными), требовали другого способа выражения определительных отношений. В ином случае получился каламбур, что и использовал, например, П. Вяземский в письме А.И. Тургеневу (27 сент. 1816), обыграв фамилию Озеров: "нет ли еще чего-нибудь Озеровова, малоизвестного". В этом плане суффикс -ск- (и его производные) более универсален. В языке рассматриваемого периода и наблюдается повышение продуктивности образований от антропонимов с этим суффиксом, все же значительно чаще образуются от топонимов. Конструкции с прилагательными на -ов, -ев от ИС в дальнейшем будут выходить из употребления, однако резкое сокращение продуктивности этой модели произойдет только во II половине XIX в. [3, 282-292]. Конструкция существительного с род. п. ИС при образовании терминов от антропонимов употребляется не столь широко и свободно - ее развитие еще предстоит. В словообразовательном отношении у прилагательных, образованных от антропонимов, можно отметить нередкое появление восходящего к латинскому языку суффикса -иан- (лат. -ian-). Как правило, этот суффикс присутствует и в немецком прилагательном. Например: das Drebbelianische Thermometer (ПВ 1734 180) - Дреббелианский термометр (182, 184). Ср. в переводе с латинского языка: Inventum Guerickanum (Thüm. Влф. физ. 256) - Герикианское изобрётение (Лом. Влф. физ. 19). Таким образом, немецкий как язык-посредник сохраняет латинский суффикс -ian- и

это могло повлиять на оформление слова в русском языке. Однако, например, Ломоносов переводя с латинского языка прилагательное от ИС, часто не оформляет русское прилагательное суффиксом -иан-. Ср.: simili Hadleiano quadranti - подобный Гадлееву квадранту (СС 1778 400, 356 и др.). Иногда прилагательное имеет словообразовательные дублеты. Например, известны: Торрицеллиева - Торрицеллианская трубка, Глауберова - Глауберическая соль. Немецкий термин das Glauberische Salz (ПВ 1739 69) русские переводчики перевели Глауберическая соль (69), используя суффикс -ическ-, давший немало новообразований в языке XVIII в.; немецкое сочетание des Glaubers Salz (ПВ 1739 70 - форма с род. п. ИС) - перевели по модели с прилагательным - Глауберова соль (70), заменив немецкую конструкцию с род. п. ИС.

2. Образования от топонимов также достаточно многочисленны. Помимо названий приборов и механизмов; химических соединений, от топонимов образуются названия еще одной лексико-семантической группы - единиц измерения (длины, веса, денежные, временных отрезков и т.д.). Основной моделью, по которой шло образование терминов от топонимов является старая и продуктивная модель прилагательного от имени собственного на -ск- + существительное.

2.1. Например, названия приборов, механизмов: Аугспургская машина (ПВ 1735 293, 298), Голландский, Флорентинский барометр (ПВ 1734 183) и т.д.; названия веществ, химических соединений (этих терминов, образованных от топонимов, значительно больше - в наших материалах более 30 случаев): Английская соль (ПВ 1739 69), Пирмонтская вода (ПВ 1739 69) и мн. др. В немецком языке способ образования терминов рассматриваемых групп менее унифицирован. Наиболее частотной конструкцией является конструкция прилагательного с суффиксом -isch и -er от ИС с нарицательным существительным. Ср.: das Babylonische Oehl - Вавилонское масло (ПВ 1739 230 (229). Помимо этой конструкции немецкий термин от топонима мог быть представлен: однословно (das Visbade - ПВ 1739 70) или сочетанием прилагательного и композита (die Ungarischen Kupfer=Wassern - ПВ 1729 135) - русский перевод дается по устойчивой модели - Визбадская вода (70), Венгерские купоросы (135). Это свидетельствует об устойчивости данной модели для образования терминов от топонимов. Значительно меньшая устойчивость наблюдается в области словообразования русского прилагательного от топонима. Обычно суффикс -ск-

присоединяется прямо к производящей основе, например: das Holländische Thermometer (ПВ 1734 172) – Голландский термометр (183); ср. также das Florentinische Wetterglass (ПВ 1734 180) – Флорентинский барометр (184) – при наличии в языке, по материалам КС ХУШ прилагательного флорентский (АК УІ 144), флорентийский (Трд. 1735) и даже флорентовый, флореитовый (Тариф 7). Однако на стыке основы и суффикса могут наблюдаться усечение основы, чередования согласных (или отсутствие возможного чередования), довольно свободно могут использоваться различные суффиксы, выступающие как синонимичные словообразовательные средства. Особенно часто это наблюдается при образовании прилагательных от иноязычных топонимов на -ия. Например, при переводе с немецкого 1 Pf. venetischen (Boras) (Арт. Бух. 51) выбрано прилагательное Венецыіская бура (275). Когда можно было бы ожидать появления уже давно существовавших в русском языке прилагательных венецкий (ср. также в материалах КС ХУШ ярь венецкая – Докл. в Сенате 1716), венищейский, венецейский (Сл. XI–XУП); или употреблявшегося уже в начале ХУШ в. венецианский (М. Вед. 1705 213). Другой пример: при переводе с немецкого названия целебной воды русские переводчики равнозначно употребляют три новообразования с прилагательными: Пассииские, Пассиские, Пассические воды (ПВ 1739 15–18). То же самое наблюдается и при переводе с латинского. Так, в немецком тексте встречается термин на латинском языке oleum siculum (ПВ 1739 221); русские переводчики употребляют в данном случае сочетание сицилианское масло (229), хотя в производящей основе суффикса -ian- нет, а в русском языке наряду с этим прилагательным уже употребляются сицилийский, сицильский. Приведем пример с отсутствием возможного чередования на стыке морфем: Norwegisches Mineral (ПВ 1731 101) переводится сочетанием Норвегский минерал (101). Чередования г/ж не происходит, хотя в материалах (КС ХУШ) (более позднего периода) представлено в основном прилагательное с чередующимся -ж-: норвежский. Этот пример является отражением тенденции к устранению чередований, наметившейся в сфере образований от топонимов с первых десятилетий ХУШ в. (ср. Петербургский). Отметим, что описанные явления, в основном, соотносятся с явлениями, наблюдаемыми в языке ХУШ в. в области образования прилагательных от ИН (Мальцева .., 146–210; Лексика..; Даниленко, 77–105).

2.2. Единицы измерения. Все названия единиц измерения, включающие ИС, имеющиеся в наших материалах, строятся по издавно существовавшей в русском языке модели прилагательного от ИС (обычно топонима), согласованного с существительным, обозначающим единицу измерения (ср.: русская, китайская .. верста, нѣмецкие .. деньги и т.д. - Сл. XI-XУП). Независимо от того, существовало уже слово в русском языке (галанский .., миля.., марк.., мѣра, вѣс..) или оно входит в русский язык в XУШ в. (ср. дюйм), название организуется по модели прилагательное от ИС + сущ. Например: Аглинский дюйм (ПВ I734 I5), Кельнской, Ниренбергский вѣс, фунт (Эйлер 54, I89), Лондонской, Рейнландский .. фут (Крафт Геом. I4, ПВ I734 I33). В немецком языке в текстах-источниках эти единицы представляют собою тоже устойчивое сочетание прилагательного от ИС на -isch или -er с существительным. Ср.: Nürenberger.. Pfunds, Mark.. Lübisch (Эйлер П I0, 23). Однако для немецкого языка данная модель является не единственной, организующей термин для обозначения единиц измерения. В немецком встречаются также конструкции сущ. + род. п. ИС и конструкции прилагательного от ИС с сложным существительным. Например: Diameter der Erde (ПВ I735 266), / II000 / Diameter des Erdbodens (ПВ I735 266) - в русском переводе - это земной диаметр / астрон. ед. изм./ (228); Cölnisches Silber = Gewicht (Эйлер П 20) - (по) Кельнскому серебреному вѣсу (54). Еще пример: Rheinlandische Cubicschuh (ПВ I734 I26) - Рейнландскои кубическои фут - переводчики здесь разложили немецкое сложное слово на сочетание прилагательного с существительным; Reichs-Geld (Эйлер П I57) - Нѣмецкие имперские деньги (I89) (в русском переводе введено уточняющее слово - нѣмецкие). Как видно из приведенных примеров, в русском языке эти конструкции регулярно переводятся по устойчивой, свойственной русскому языку модели прилагательного и существительного. В случае употребления немецкого композита - в русском может появиться трехсловное название. В русском переводе, как правило, выдерживается порядок слов, свойственный в данном случае как немецкому, так и русскому языкам: прилагательное в препозиции, за ним следует существительное. Иногда этот порядок нарушается, однако обычно нарушение бывает мотивировано употреблением, например, в таблицах соотношения единиц измерения (в обоих языках), т.е. в случаях, когда логически выделяется прилагательное. Например: Schilling Vlämisch - Шиллинг Флемской (Эйлер П I0 (8). Вме-

сте с тем, прямой порядок слов в названиях единиц измерения нельзя еще назвать окончательно установившимся. Примером обратного порядка слов могут служить некоторые тексты переводов Ломоносова (правда, выполненных с латинского языка), где Ломоносов следует порядку слов текста-источника: milliaria Germanica – миль нѣмецких (СС I778 255). С точки зрения словообразования у единиц измерения наблюдается устойчивое употребление прилагательного от топонима, образованного при помощи обычного в этих случаях суффикса -ск- (-ц-); в редких случаях -н- (земной). Отметим также образование разноосновных прилагательных от Рейн/ской/ области: Рейнландский фут (в немецких переводах – вслед за текстом-источником: Rheinlandische) и Ренской фут (в переводе с латинского – также вслед за текстом-источников: Rhenanus). В русском языке ХУШ в. эти прилагательные, по данным КС ХУШ, разделили сферы употребления: рейнландский обычно употреблялось в физических единицах измерения, Ренский, реинский и даже рейнсковый имели более широкую сочетаемость – ренское вино, король, рейнсковый уксус. Таким образом, старую основную (с прилагательным на -ский) модель, по которой происходило образование названий единиц измерения, в целом, можно признать устойчивой. Процессы образования названия единиц измерения совпадают с процессами образования аналогичных сочетаний с прилагательными в общелитературном языке ХУШ в.

В начале ХУШ в. в немецкоязычной научной литературе уже существовал известный опыт терминотворчества. Переводы, выполненные в I половине ХУШ в. с немецкого языка на русский, научных книг, руководств и т.п. во многом способствовали формированию русской научной терминологии. Термины с именами собственными пополняли существующие в том и другом языке важнейшие лексико-семантические группы – это названия приборов, механизмов, химических веществ и соединений, астрономические названия, названия единиц измерения. С точки зрения языковых средств выражения каждый язык располагал в это время своими возможностями. Так, в немецком языке_ генитивные терминологические сочетания характеризуются препозитивным ИС. Термины-композиты, включающие ИС, не имеющие еще широкого распространения в общелитературном немецком языке, все увереннее заявляют о себе в качестве терминов. Особенностью языка немецкой науки рассматриваемого периода является также коли-

чественное преобладание терминологических сочетаний с прилагательными, образованными от ИС; в то время как в общелитературном немецком языке рост таких образований от собственных личных имен и имен с местным значением наблюдается лишь в XIX в. Возможности словосложения, средства суффиксации при образовании прилагательных от ИС, структура терминологических сочетаний, включающих ИС, наблюдаемые в рассматриваемый период, нередко становятся нормой в общелитературном языке лишь в XIX в. Анализ научной терминологии, образованной от ИС в I половине XVШ в., подтверждает, что эта терминология активно реализует тенденции развития общелитературного немецкого языка. В русском языке образование терминов также идет по известным в русском языке моделям, но связан этот процесс преимущественно с категорией прилагательных. Причем в языке русской науки I половины XVШ в. наблюдается специализация моделей - от антропонимов преимущественно образуются сочетания с прилагательным от ИС на -ов, -ев, от топонимов - с более универсальным суффиксом -ск-. Модели демонстрируют продуктивность и устойчивость, о чем также свидетельствует регулярная замена при переводе любых иных, присущих языку-источнику, способов организации термина с ИС. Формы с род. п. ИС - еще недостаточно развиты. Перераспределение нагрузок этих моделей произойдет лишь в XIX в. Словообразовательные процессы, наблюдаемые в прилагательных от ИС, входящих в состав термина, во многом совпадают с общелитературным русским языком. Отличительной чертой прилагательных от ИС в составе терминов можно назвать то, что это - всегда относительное прилагательное, обозначающее вид, тип предмета или характеризующее принципы методов, теорий, название которых соотносится с именем их создателя или с географическим названием. Формирование русских терминов, включающих ИС, в основном, не отклонялось от направления процессов образования определительных сочетаний с прилагательными (как от ИН, так и от ИС), наблюдаемых в общелитературном языке XVШ в.

В итоге русские термины, включающие ИС, можно рассматривать как складывающееся звено в языке науки, которое находит свое место в формирующейся в России на протяжении всего XVШ в. терминологической системе. Определенная роль в этом процессе в I половине XVШ в. принадлежит переводам с немецкого языка на русский научных трудов.

Литература

I. Адмони В.Г. Развитие функций родительного падежа в немецком языке. Труды института языкознания. Т. 9. М., 1959.

2. Даниленко В.П. Имена собственные как производящие основы современного словообразования. - В кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.

3. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. М., Наука , 1964.

4. Ковтун Л.С. Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л., Наука , 1977.

5. Козман С.М. Развитие атрибутивного родительного падежа и его синонимов в нововерхненемецком языке. АКД. Л., 1962.

6. Лексика современного русского литературного языка. (Русский язык и советское общество). М., Наука , 1968.

7. Мальцева И.М., Молотков А.И., Петрова З.М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л., Наука , 1975.

8. Adelung Joh. Chr. Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache. Leipzig, 1782, Bd. 1, 885 S.

9. Behagel O. Die deutsche Sprache. Halle, 1953.

10. Gottsched Joh. Ch. Vollständigere und neuerläuterte Deutsche Sprachkunst nach den Muster der beisten Schriftsteller des vorigen und itzigen Jahrhunderts abgejasset. Leipzig, 1762, 734 S.

11. Moskalskaja O.J. Deutsche Sprachgeschichte. M., 1977.

12. Paul H. Deutsche Grammatik. Bd. II, Halle, 1917, Bd.III, 1919.

13. Pavlow W.M. Zur Ausbildung der Norm der d. Literatursprache (1470-1730), 6. Berlin, 1983.

14. Wolf Chr. Ausführliche Nachricht von seinen eigenen Schrifften, die er in deutscher Sprache von den verschiedenen Theilen der Welt=Weissheit heraus gegeben (auf Verlangen aus Licht gestellt) Francfurt am Meyn, 1726. 678 S.

Источники и их сокращения

Арт. Бух. - Buchner J.S. Theoria et praxis artilleriae. Th. I. Nürnberg, 1682, Th. II, 1706, Th. III, 1695.
Бухнер И.З. Учение и практика артиллерии. Изъяснена И.З.Бухнером. (Пер. с нем.). М., 1711.

Вейсман - Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка. Спб., 1731 (составленными В.Е. Адодуровым). (Пер. И.Ильинский). 788 с. + 48 с.

Лом. Влф. физ. – Вольфианская Экспериментальная физика с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная. С котораго на российский язык перевел Михайло Ломоносов. Спб., 1746. 173 с.

Крафт Геогр. – Kraft G.W. Kurze Einleitung zur mathematischen und natürlichen Geographie. St.Petersburg, 1738.
Крафт Г.В. Краткое руководство к математической и натуральной географии с употреблением земного глобуса и ландкарт (пер. с нем. И. Голубцова). Спб., 1739.

Крафт Мех. – Kraft G.W. Kurze Einleitung zur Erkänntnis der einfachen und derselben Zusammensetzung. Petersburg, 1738.
Крафт Г.В. Краткое руководство к познанию простых и сложных машин. (Пер. с нем. В. Адодурова). СПб., 1738.

Крафт Геом. – Kraft G. Kurze Einleitung zur theoretischen Geometrie. St.Petersburg, 1740. Крафт Г.В. Краткое руководство к теоретической геометрии. (Пер. с нем. И. Голубцова). Спб., 1748.

Лом. СС 1778 – /Ломоносов М.В./ Покойнаго статскаго советника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова собран е разных сочинен й в стихах и в прозе. Кн. трет я. Московский ун-т, 1778. 670 с. (Материал выверен также по: Ломоносов М.В. Полное собр. соч. М.; Л., АН СССР, 1950–1959, тт. 1–4).

ПВ – Anmerkungen über die Zeitungen. St.Petersburg, 1728–1742. Примечания к Ведомостям 1728–1742. Спб., /1728–1742/.

Тариф – Тарiф Санктъпiтербургского, Выборгского, Нарвского, Архангелогородского, Кольского портов. Спб., 1724. 34 с.

Thüm. Влф. физ. – Thümmigius Ludovicus Philipp. Institutiones philosophiae Wolfianae... in usus academicos adornata opera... T.I. Frankofurti et Lipsiae, 1725. 512 S.

Эйлер – Experimenta physica oder Einleitung zur Rechenkunst. St. Petersburg, Th.I, 1738, 277 S., Th.II, 1740, 228 S.
/Эйлер Л./ Арифметика Эйлера. Руководство к арифметике. Для употребления Гимназии при Императорской Академии наук. (Пер. с нем. В. Адодурова). Ч. I. Спб., 1740. Ч. II. 1760.

Wolf Chr. Allerhand nützliche Versuche dadurch zu genauer Erkänntnis der Natur und Kunst der Weg gebähnet wird. 2.Theil, Halle, 1722, 568 S., 3.Theil, Halle, 1738, 625 S.

W.m.L. – Wolf Ch. Mathematisches Lexikon. Leipzig, 1716.

Д.С. Кулмаматов

НАЗВАНИЯ ЛИЦ, ЗАНИМАВШИХСЯ КАНЦЕЛЯРСКИМИ ДЕЛАМИ, В СТАРЫХ РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ XУП в.

Лексический состав старых русских переводов среднеазиатских деловых документов XУП в. крайне интересен и довольно разнообразен. В настоящей статье рассматриваются слова, обозначающие лиц, занимавшихся канцелярскими делами в XУП в: дьяк–везирь (визирь); подьячий – мурза (мирза) – язычей – писарь. История этих слов привлекала внимание многих исследователей. Однако следует помнить, что иной раз, несмотря на большое количество исследований, некоторые вопросы, касающиеся истории слов того или иного языка, из-за отсутствия конкретного фактического лингвистического материала не получают окончательного решения. Решить подобные вопросы можно только путем пересмотра прежних исследований при привлечении новых достоверных источников. Именно такой метод может нам помочь уяснить развитие нашей лингвистической науки и свидетельствовать о ее результатах.

Дьяк – везирь (визирь)

По своему происхождению слово дьяк восходит к византийско-греческому слову διάκος , что буквально означает "слуга, служитель". Его уменьшительная форма дьячок была образована при помощи суф. -ок на русской почве.

Важно отметить, что после перевода Библии византийско-греческие слова дьякон, дьяк и уменьшительная форма дьячок в разных фонетических обликах стали распространяться в языках Европы и, более того, дьяк приобрело новые значения: венгерск. deák, diák – "студент, учащийся", чешск. žak – "ученик, школьник, учащийся; последователь", польск. żak – "жак; бедный студент" и т.д.

В русских письменных памятниках слово дьяк впервые упоминается, по материалам СлРЯ XI–XУП вв., в Изб. Св. 1073 г. в значении "дьякон" (т.е. помощник священника при совершении церковной службы): "Слышиши бо дияка глшта: суштии въ покаянии изидѣте" [вып. 4, 398]. В этой же словарной статье приводятся и другие его значения: "2. Причетник, церковный чтец или певец, дьячок... 3. Дьяк (т.е. должностное лицо – письмоводитель – Д.К.)". Последнее значение иллюстрируется цитатой из Духовных и договорных гра-

мот великих и удельных князей под 1339 г.: "А грамоту п(и)салъ дьякъ князя великого Кострома". В этих трех значениях слово дьяк употреблялось примерно до XУI в. В дальнейшем оно приобрело более высокое значение "должностное лицо в государственных учреждениях Древней Руси"; это уже не просто переписчик русских книг или же составитель каких-то монастырских и царских деловых бумаг. Когда в 1549 г. в Москве был учрежден Посольский приказ, дьяк занимался в основном канцелярскими делами и назывался посольским дьяком. Но во главе Посольского приказа стоял думный дьяк - "начальник канцелярии по дипломатической части; лицо, имевшее право заниматься делопроизводством Боярской думы". Роль дьяков существенно возросла в XУП веке, к ним стали относиться как к важным государственным деятелям. Правитель государства (царь) разрешал дьякам Посольского приказа вести канцелярскую переписку по внешним сношениям, руководить работой подьячих, переводчиков, толмачей, встречать иноземных послов и решать вопросы, связанные с их приездом и пребыванием в Москве, отправлять русские посольства в другие страны и т.д. В XУП в. все уже перечисленные обязанности дьяка (а следовательно, и семантика самого слова) были хорошо известны каждому иноземному послу. Об этом свидетельствует, например, частое употребление этого слова в иноязычных текстах челобитных среднеазиатских послов XУП в., написанных "тюркским, татарским и фарсовским письмом". В частности, слово дьяк в арабской графике ДиЙаК встречается в челобитной хивинского посла Девлета Мамета царю Алексею Михайловичу от 27 мая 1658 г. Вот как передано это место в переводе: "Астараханскои воевода и дьякъ ѕ мурsъ и ѕ танбовских головъ и у всяких чиновъ людеи (спрашивали) что тот Пермаметка какои чловкъ i в обыскахъ сказали тот Пермаметка Абѕл Гаsы хана (хивинского) холопъ" (ЦГАДА, ф. 134, оп. I, 1657 г., д. I, л. 85 - тюркский текст; л. 88 - русский перевод).

Следует отметить, что термин дьяк в иноязычных документах встречается и раньше - в тюркском тексте старого русского перевода челобитной хивинского посла Авеза Бакея царю Михаилу Федоровичу от I марта 1641 г.: "Нне блгодатныи гсдрь (Михаил Федорович) мѡи имали меня (хивинского посла Авеза Бакея) дьяки в Посолскѡи приказ и тамги на мнѣ прошали для того что есть де с тобою торговые люди". Любопытно, что в тюркском оригинале (написанном арабской графикой) этого контекста слову дьяк сразу

соответствует два слова: ДИЙаКЛаР, ВаЗиРЛаР (ЦГАДА, ф. 134, оп. I, 1639 г., д. 2, л. 255 – тюркский текст; л. 256 – русский перевод).

Явление новое – челобитчик в своей челобитной, называя русского (московского) дьяка восточным словом везирь (визирь), тут же рядом употребляет ему известный термин дьяк, как бы, поясняя первое слово. Случай этот не единственный. Другой хивинский посол Эмин Богатырь в своей челобитной царю Михаилу Федоровичу от 17 мая 1641 г. думного дьяка Посольского приказа Федора Федоровича Лихачева называет большим везирем: "Нне вашъ црского (Михаила Федоровича) велчества болшои везирь Ѳедор Ѳедоровичь прислал ко мнѣ спросить что тѣ люди которых юргенских людеи я (хивинский посол Эмин Богатырь) хочю с собою из Астарахани въ Юргенчи взять какъ им имяна...". В тюркском оригинале (написанном арабской графикой) приведенного контекста большой везирь имеет соответствие ВаЗИРИНГИЗ УЛУГ ВаЗИР, то есть: везирь Ваш Великий (большой) везирь (ЦГАДА, ф. 134, оп. I, 1641 г., д. 3, л. 313 – тюркский текст; л. 280 – русский перевод).

Словосочетание большой везирь употребляется и в других древнерусских памятниках XУП в. Например, СлРЯ XI–XУП вв. его отмечает в Наказе, данном стольнику Илье Даниловичу Милославскому и дьяку Леонтию Лазоревскому при отправлении их послами в Царьград под 1643 г. Сочетание употреблено в значении "высшее должностное лицо в мусульманских государствах": "Вѣдомо великому государю ихъ Ибрагимъ Султанову величеству и ему большому везирю Азземъ Мустафѣ пашѣ и всѣмъ пашамъ самимъ подлинно, что донские казаки издавна воры, збѣжали от смертные казни" [вып. 2, 177].

Таким образом, в первой половине XУП в. слово везирь, обычно обозначающее "титул и название высшего должностного лица в государствах Востока", приобретает еще одно, новое, значение. Оно наряду со словом дьяк в текстах старых русских переводов хивинских челобитных и других восточных актов XУП в. стало обозначать "должностное лицо, занимающееся в государственных учреждениях России канцелярскими делами". В результате слова дьяк и везирь в XУП в. приобрели относительное понятийное тождество. Причем, последнее значение слова везирь в словарях не отмечается. В "Сравнительном словаре" Л.З. Будагова [3, II, 304] везирь – "поддерживающий бремя, наместник царский, министр, советник", а в Персидско-русском словаре" М.А. Гаффарова [4, II, 890] оно переведено словами "визирь; министр". В "Толковом словаре живого великорусского языка" В. Даля "визирь – главнокомандующий в Турции" [Даль I, 408].

Подьячий – мурза (мирза) – язычей – писарь

Слово подьячий образовано от цслав., др.-русск. подьякъ, иподьякъ и восходит к греч. ὑποδιακονος – "помощник дьяка; приказный служитель". "Приставка под- здесь народно-этимологического происхождения" [10, Ш, 301–302].

Это слово в старых русских переводах среднеазиатских деловых документов XУП в. встречается часто, например, оно нами отмечено в старом русском переводе челобитной бухарского посла Кузея Ногая царю Михаилу Федоровичу от 20 февраля 1644 г.: "Челобите гсдрь (Михаил Федорович) мое (бухарского посла Кузея Ногая) то абыз мои нанял было малого а запис гсдрь писал подѣчеи ... тот наимит малои от нас збѣжал а снес гсдрь он от нас живота сорокъ рѕблев а тот подѣчеи которои писал крепость имался по рѕкою и рѕкѕ приложил а нне ѕдѣс пожалѕи гсдрь вели тому подячему того ншго наимита сыскат (ЦГАДА, ф. 109, оп. 1: 1644 г., д. 1, л. 145). В тюркском оригинале слово подьячий в арабской графике имеет соответствия: БУДЙАДЖИ, ПУДЙАЧИ, БУДЙАЧИ (л. 144). Семантика слова подьячий, хотя оно им произносилось и писалось по-разному, была хорошо известна, и поэтому данное слово бухарский посол Кузей Ногай в своей челобитной употребил несколько раз.

В памятниках русской письменности слово подьячий Материалы И.И. Срезневского впервые упоминают в XIУ в. (1381): "Писалъ Никольскои площади на дворищахъ, сидя на съѣжжомъ двори, подьячеи Кузимка Самоиловъ" [П, 1075].

Подьячие всегда находились под начальством дьяков и вся письменная работа Посольского приказа в основном возлагалась на них. Они составляли царские грамоты к правителям других государств, царские указы, ими же писались отписки воевод, распросные речи, челобитные иноземных послов. Кроме того подьячие отправлялись гонцами в другие государства, входили в состав посольства для ведения письменных работ и т. д.

Вообще "в XУП в. подьячий – крупное лицо. Это совсем не то, когда в XУШ–XIX вв. подьячими называли тех же канцеляристов, но только в презрительном тоне [9, 353].

"Число подьячих в XУП в. было не одинаково в разное время; обыкновенно около 15–18, в том числе 5 "старых" подьячих; но во второй половине XУП в. число их достигает 22, 26, 53" [2, 50].

Кроме "старых", в Посольском приказе под руководством последних служили "средние" и "молодые" подьячие, которые "обладали красивым почерком, и поэтому на них возлагалась иногда переписка целых сочинений, предназначенных для поднесения царю" [там же, 53].

Наряду со словом подьячий в старых русских переводах среднеазиатских деловых документов XVI в. для обозначения должностного лица, занимающегося канцелярскими делами, употреблялся термин мурза (мирза). В частности он нами отмечен в старом русском переводе челобитной хивинского посла Девлета Мамета царю Алексею Михайловичу от 26 мая 1658 г.: "Астараханскои воевода и дякъ & мурзъ и & танбовских головъ и у всяких чиновъ людеи (спрашивали) что тот Пермаметка какои чловкъ & в обыскахъ сказали тот Пермаметка Абѣл Газы хана (хивинского) холопъ". В тюркском оригинале слово мурза в арабской графике имеет соответствие МуРЗА (ЦГАДА, ф. 134, оп. I, 1657 г., д. I, л. 85 - тюркский текст; л. 88 - русский перевод).

В письменных памятниках древнерусского языка слово мурза встречается довольно часто. "Словарь русского языка XI-XVII вв." это слово впервые свидетельствует в документах XVI в. [вып. 9, 309]. В русских письменных памятниках встречается и другая форма этого слова - мирза. Указанный словарь его впервые фиксирует в Львовской летописи (сп. XVI в.) под 1159 г. [вып. 9, 167].

Слово мурза (мирза) в русский язык перешло из тюркского, а последним оно было заимствовано из персидского языка МИРЗА (вм. АМИРЗАДЭ: МИР "князь", ЗАДЭ "сын", собств. "княжеский сын", принц") [8, I, 569; 10, Ш, 12].

Согласно Л.З. Будагову, "каз. тат. мурза, дворянин (у крымских татар этот титул придавался к именам из благородной фамилии. Слово это употребляемое без собственного имени, как звание значит: секретарь, писарь; поставленное после собственного имени, означает князя из шахской фамилии, царской крови ... в начале собств. имени - соответствует слову господин, всякий грамотный человек, редактор)" [3, П, 272]. В.В. Бартольд указывает, что этим словом на Востоке "обозначались как принцы царствующего дома, так и вообще благородные и образованные господа, как знаменитые ученые, так и простые писцы" [I, У, 612].

Слово мурза (мирза) регистрируется многими словарями: в "Этимологическом словаре славянских языков" Ф. Миклошича "мурза - грязный человек" [13, 205]; его мы находим и в "Этимологическом

словаре" К. Локоча: "русск. мирза, мурза - татарский большой сановник" [12, 6]. Терминологические материалы Г.Е. Кочина отмечают: "мурза, мырза - категория командующего класса, знати в татарском государстве" [6, 198]. У В. Даля по поводу этого слова имеется следующее замечание: "мурза - татарский князек, наследственный старшина; нашими законами не представлено им особых прав, а местами слово это обратилось в бранное: татарин, бусурман" [Даль, II, 360].

Как видим, ни один словарь славянских языков не отмечает слово мурза (мырза) в значении "писец, писарь".

Видимо, слово мурза (мирза) с этим значением начало употребляться лишь с XVII в.

В XVII в. вместе с вышеуказанными терминами для обозначения "лица, занимающегося письменными делами" употреблялось еще одно слово - язычей.

Слово язычей было отмечено И.Г. Добродомовым , причем лишь в единственном контексте - в "Распросных речах" возвратившихся летом 1647 г. в Астрахань русских торговых людей, ограбленных ханом Абул-Газием, изданных в "Материалах по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР". Он указывает, что в прикнижном "Словаре малопонятных слов", составленном А.С. Булгаковым, данного сборника документов слову язычей дается ошибочное толкование: "пленник, от которого расспросами выведывают сведения о неприятеле; обвинитель, обличитель перед судом" [5, 61].

Более точная семантика и происхождение слова язычей из русского памятника XVII в. достаточно достоверно установлены при помощи этимологических соображений на базе тюркских соответствий (в частности турец. ЯЗЫДЖЫ, татарск. ЯЗУЧЫ "писец") И.Г. Добродомовым [там же, 60-65; 7, 65-68].

Почти всегда этимологическая версия носит до известной степени гипотетический характер. Однако нередко она может подтверждаться фактами из письменных источников.

В составленный 1744 г. Бантышем Каменским рукописной "Выписке о бывших в России бухарскихъ послахъ с обстоятельным показанием пріемовъ их в Россію порученных им дѣлъ, на оныя отвѣтовъ, бывших им пріемовъ и содержанія с 1619 по 1744 годъ" слово язычей поясняется с помощью более известного термина подьячий: "7179/1671 года генв. 27 пріехалъ в Москву Бухарской посланецъ Муллофоръ а с ним сынъ его да язычей (т.е. подъячей) на людей и

Кашеваровъ его I6 члвкъ" (ЦГАДА, ф. I09, оп. I, I6I9-I744 гг., д. I, л. II).

В одном "перевод(е) с татарского писма с челобитнои бухарского посла Мѣллоеорр€ка" к Алексею Михайловичу от 2I февраля I67I г. его язычей именуется писарем :[I] "А нне мнѢ послѣ ... да сынѣ моему и писарю моему ... пожалѣи великиЇ гсдрь своим гсдрским жалованьемъ кормомъ" (ЦГАДА, ф. I09, оп. I, I67I г., д. I, л. I00).

Следует заметить, что в "Памятниках дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией" (СПб., I884) XУП в. встречается название писца бакшей [I4, 243-244].

Таким образом для обозначения "лиц, занимавшихся письменными делами" в текстах старорусских переводов восточных, в том числе среднеазиатских деловых документов XУП в. употреблялся целый ряд слов: подьячий - мурза (мирза) - язычей - писарь - бакшей.

Литература

I. Бартольд В.В. Сочинения. Т. У. - М.: Наука, I968.
2. Белокуров С.А. О Посольском приказе. - М., I906.
3. Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. П. - СПб., I87I.
4. Гаффаров М.А. Персидско-русский словарь. Т. П - М., Наука, I976.
5. Добродомов И.Г. Этимологические маргиналии тюрколога по русской лексикографии. - В сб.: Этимологические исследования. Свердловск, I984, с. 6I.
6. Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря древней России. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, I937.
7. Кулмаматов Д.С. Еще раз о слове язычей. - В сб.: Этимологические исследования. Свердловск, I984, с. 65-68.
8. Преображенский А. Этимологический словарь русского язнка. Т. I. - М., I9I0.
9. Тихомиров М.Н. Приказное делопроизводство в XУП в. - В кн.: М.Н. Тихомиров. Российское государство XУ-XУП вв. М.: Наука, I973.

[I] "Канцелярский служащий, занимающийся составлением, перепиской и ведением бумаг" [ССРЛЯ, IX, I225]. Об этом слове подробнее см. [II].

I0. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. Ш. - М.: Изд-во "Прогресс", I97I.
II. Чурмаева Н.В. К истории слова писарь в русском языке. - В сб.: Русская историческая лексикология. М.: Наука, I968, с. 228-233.
I2. Lokotsch K. Etymologisches Wörterbuch der europäischen (germanischen, romanischen und slavischen) Wörter orientalischen Ursprungs. - Heidelberg, 1927.
I3. Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. - Wien: Wilhelm Braumüller, 1886.
I4. Vásáry I. Bemerkungen zum uigurischen Schrifttum in der goldenen Horde und bei den Timuriden. - Beşinci milletler arasi türkoloji kongresi. Istanbul, 1987.

В.О. Петрунин

К ИСТОРИИ ЯЗЫКА НАУЧНОЙ ПРОЗЫ ХУШ ВЕКА (СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА "СЛОВ" и "РАССУЖДЕНИЙ" С.Е. ДЕСНИЦКОГО)

Русский текст допетровской поры (даже неофициально-делового характера) включал, как правило, в свой состав книжно-славянские в языковом отношении фрагменты. Такое этикетное явление допетровской письменности было рассмотрено в работах Б.А. Успенского и В.М. Живова [I4; I5; 4; 5; 6], посвященных русско-церковнославянским компенсирующим функциям.

К середине ХУШ в. произошли существенные перемены в языке русской письменности. Судьба книжно-славянского языка была уже связана в эту пору только с конфессиональной сферой [8, 263], а на основе "высокого слога" получили развитие светские, социально престижные и стилистически славянизированные разновидности русской письменной речи [I0, I28; I, I02; I2, I6; II, I89]. "Окнижненность" и "риторическая украшенность" стали непременными признаками серьезных жанров.

Язык научных трудов первого русского профессора права, первого русского социолога, С.Е. Десницкого отвечал именно таким стилистическим представлениям своего времени. Десницкий был

главным образом автором "слов" и "рассуждений", произнесенных им в 60–80-ые годы на торжественных актах в Московском университете и опубликованных в те же годы. Подобно Ломоносову он был воспитан в церковнославянской и западноевропейской культурных традициях. Первоначальное образование Десницкий получил в Троицко-Сергиевской семинарии, а завершил – учеником Адама Смита, университетские лекции которого Десницкий слушал в Глазго. Там же он защитил докторскую диссертацию "De Testamentis ordinariis" Десницкий был известен как автор социологического учения о четырех состояниях "рода человеческого", четырех экономических стадиях развития общества [2; 3, 88], а именно: охотничья, пастушеская, земледельческая и коммерческая стадии.

Десницкий способствовал проникновению в Россию идей историзма и следовал тем письменным традициям, которые сложились ко второй половине XVШ века в языке русской науки и ораторской прозе. Причем, если сопоставить тексты Десницкого с научными сочинениями Ломоносова, то легко заметить, что "архаизирующая" тенденция в языке Десницкого была выражена гораздо сильнее, чем у Ломоносова.

У Десницкого были значительно более громоздкие и синтаксически сложные предложения, которые были в большей степени насыщены лексикой, восходящей к книжно-славянскому источнику; была более высокой и концентрация в тексте причастных форм, преобладающая часть которых – главные члены причастных оборотов; глагол более настойчиво выносился в конец предложения; управляемые компоненты глагольных сочетаний были чаще расположены в препозиции и т. д.

Насыщенность же текстов Десницкого заимствованной лексикой представляется минимальной. Обычно это следующие слова: адвокат, арест, аристократ, вексель, гарантия, департамент, юриспруденция и некоторые другие. Чаще всего мы находим у него либо уже широко распространенные в России той поры обозначения, либо обозначения западноевропейских реалий и понятий.

Терминологическую основу текстов Десницкого составляли русские и церковнославянские по своему происхождению элементы, среди которых заметны обозначения, соотнесенные с тем или иным западноевропейским источником.

Это легко подтверждается сопоставлением сочинений Десницкого с переводами того времени, например, с переводом сочинения Блэк-

стона "Commentaries on the Laws of England" (переводчик сам Десницкий). Ср.: законоучение (Блэкстон I I) - the Study of the Law (Blackston , I770 I); существо законов (Блэкстон I 89) - the Nature of Laws (Blackston , I770 38); свободная воля (Блэкстон I 94) - freewill (Blackston, I770 39); закон естественный (Блэкстон I 93) - the law of nature (Blackston , I770 39) и т.п.

Наибольшего внимания заслуживает распространение в текстах Десницкого собственно определительных субстантивных словосочетаний с прилагательным (или с причастием) в составе атрибутивной синтаксической группы. Употреблялись такие словосочетания как готовые цельные комплексы для обозначения разного рода специальных понятий, в том числе и социологических, а также и как средства риторического украшения текста, например: "В цветущем состоянии, может быть, род человеческий имел большую крепость в душе и теле, вожделеннейшее здравие, долговременнейшую жизнь и большую склонность и силу к порождению; однако если повсеместный порядок вещей и обществ человеческих течение имеют такие степенно восходящие и нисходящие обращения, то их весьма нескоро можно приметить". Дсн. I78I 4.

Нельзя считать случайностью и появление в его текстах большого числа обозначений для сложных понятийных систем, дробных классификаций и понятийных классов. Так в его сочинениях имеется целый ряд обозначений опорных понятий, положенных им в основу разного рода классификаций, например, вещь - движимая, внешняя, отчужденная, собственная и т. д.; владение - бесприпятственное, долговременное, общественное, нераздельное, раздельное, совокупное и т. д.; дело - бесчеловечное, взаимное, государственное, криминальное, смертоубийственное, судебное, тяжебное и т. д..

Среди обозначений опорных понятий находим: город, имение, наказание, народ, суд, судья и т.п. Почти все обозначения опорных терминов известны юридической письменности допетровского времени.

Для отмеченных терминологических словосочетаний в подавляющем большинстве случаев были характерны стилистически нейтральные черты словорасположения, а именно, препозиция определяющего, контактное расположение членов словосочетаний. Однако имелись отдельные исключения, например: дело бесчеловечное.

В данном случае возможно влияние однокоренного человеческий.

Слово, которое, как известно, на всем протяжении XVШ в. и в первую половину XIX в. употреблялось, как правило, в постпозиции к определяемому. У Десницкого имеются следующие словосочетания с этим словом: сила человеческая, род человеческий, учение человеческое и т.п. Редкими были случаи дистактного расположения компонентов отмеченных терминологических словосочетаний. С другой стороны, для нетерминологических субстантивных определительных словосочетаний во многих случаях были свойственны и книжные черты словорасположения. А именно: постпозиция качественного прилагательного и дистактное расположение членов словосочетания; например, вещи прочнейшие, вещи долговременнейшие и т. п.

Можно выделить целую группу таких словосочетаний, терминологическое употребление которых было непосредственно связано с обозначением опорных понятий концепции Десницкого о четырех экономических стадиях развития общества. Определяемым в таких словосочетаниях было состояние, то есть 'положение, в котором кто-нибудь или что-нибудь находится', 'экономическая стадия общества'. Ср.: "По оным четверояким народов состояниям мы должны выводить их историю, правление, законы и обычаи и измерять их различные преуспевания в науках и художествах". Дсн. 1781 6. Состояние вошло в состав юридических текстов в Петровскую эпоху. Ср.: "Доброе состояние" государства ЗА 157 (Реляция о заключении мира со Швецией.., от 30 октября 1721 г.).

В текстах Десницкого появилось у слова такое терминологическое значение, которое было обусловлено определенной социологической теорией автора. Это значение способствовало формированию новых словосочетаний. Определяющие компоненты таких словосочетаний были разнообразны. Ср.: первое состояние Дсн. 1781 14; первоначальное хлебопашественное состояние Дсн. 1781 17; хлебопашественное состояние Дсн. 1781 18; пастушеское состояние Дсн. 1781 14, 16; состояние скотоводственное Дсн 1781 14 и т. п.

Все определяющие компоненты были книжными словами. Причем, сами экономические стадии (понятие неизвестное в России до Десницкого) были обозначены неологизмами XVШ века, а именно: хлебопашественный, ско́товодческий, коммерческий [9, 317, 335, 341]. В таких терминах на фоне сравнительно традиционного для этого времени терминологического пласта, представленного в сочинениях Десницкого, можно отметить прием выделения неологизмами новизны обозначаемых понятий. Первая же стадия была обозначена описательно.

Ср.: "Состояние народов, живущих ловлею животных и питающихся плодами, саморождающимися на земле". Это громоздкое обозначение многократно встречается в тексте Десницкого "Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения". Дсн. 1781 II, 12, 15 и т. д.

В этом случае можно отметить сравнительно редкое для текстов XVШ в. явление, а именно: затруднение, вызванное отсутствием в языке прилагательного, обозначавшего необходимое в данном случае видовое отличие понятия (совмещающего идею о ловле животных со сбором плодов земли), Десницкий преодолевает, превращая в термин само описательное определение сложного понятия.

В текстах Десницкого расположение компонентов словосочетаний с определяемым состояние 'экономическая стадия развития общества' имело, как правило, нейтральную стилистическую окраску, а именно, преобладала препозиция определяющего с контактным расположением единиц. Нарушение этого имеется только в двух случаях. Во-первых, в названии главы "Состояние народов коммерческое" Дсн. 1781 18; во-вторых, в случае вынесения в начало предложения словосочетания, имевшего два однородных определения и входящего в группу сказуемого. Ср.: "Словом в сем состоянии пастушеском и скотоводственном народы примечаются имеющими больше понятия о собственности". Дсн. 1781 15.

Очевидно, что в том и другом примере перестановка членов была обусловлена интонационным выделением прилагательного без какого-либо стилистического эффекта.

Таким образом, в научной прозе Десницкого можно отметить тенденцию к "окнижнению" и "риторической украшенности" языка, связанную с ораторской речью этой поры, а с другой стороны, при передаче специального содержания можно отметить ориентацию на стилистически нейтральные книжные средства, которая сочеталась с обращением к традиционной русской юридической терминологии.

Если первая тенденция постепенно угасала в русской научной прозе XIX века, то вторая, как известно, активизировалась. Именно эта тенденция определила возможности эволюции письменной речи для всей корпорации ученых России.

Литература

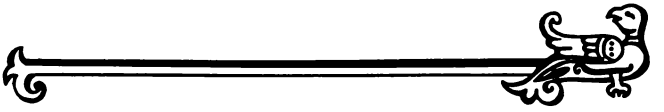
I. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. – М.: Высшая школа, 1982.

2. Грацианский П.С. Десницкий. – М.: Юридическая литература. 1978.
3. Грацианский П.С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVШ века. – М.: Наука, 1984.
4. Живов В.М. История русского права как лингвосемиотическая проблема (в печати).
5. Живов В.М. Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков. – В кн.: Актуальные проблемы славянского языкознания. – М.: Изд-во Московск. ун-та, 1988, с. 45–98.
6. Живов В.М., Успенский Б.А. Типологические аспекты диглосии. – В кн.: Финно-угорские народы и Восток. – Тарту, ТГУ, 1975, с. 77–88.
7. Ковтунова И.И. Порядок слов в русском литературном языке XVШ – первой трети XIX вв. – М.: Наука 1969.
8. Кутина Л.Л. Последний период славяно-русского двуязычия в России. – В кн.: Славянское языкознание: УШ Международный съезд славистов. – М.: Наука, 1978, с. 262–278.
9. Мальцева И.М., Молотков А.И., Петрова З.М. Лексические новообразования в русском языке XVШ века. Л.: Наука, 1975.
10. Соболевский А.И. История русского литературного языка. Л.: Наука, 1980.
11. Сорокин Ю.С. К вопросу о сложении литературной нормы в русском языке XVШ века. – В кн.: Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. – М.: Наука, 1976.
12. Сорокин Ю.С. О задачах изучения лексики русского языка XVШ века. – В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). – М., Л.: Наука, 1966.
13. Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVШ – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1985.
14. Успенский Б.А. К вопросу о семантических взаимоотношениях системно противопоставленных церковнославянских и русских форм в истории русского языка. - Wiener Slavistisches Jahrbuch, 1976, Bd. XXII., S. 92-100.
15. Успенский Б.А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. – М.: Изд-во Мос-

ковск. ун-та, 1983.

Список сокращений источников, отсутствующих в КС ХУШ

Blackston, 1770 - Commentaries on the Laws of England in four books by William Blackston. - Oxford, 1770.

Реалии материальной культуры

М.Н. Махонина

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛЕКСИКИ НАИМЕНОВАНИЙ МЕХОВ

Охота на пушных зверей, изготовление одежды из меха и функционирование отдельных шкурок в качестве денежного эквивалента уходят в глубокую древность. В Европе основными экспортерами меха были славяне. Л. Нидерле пишет, что из предметов экспорта у славян "первое место занимали меха и мед. Вывозили мех бобра, горностая, белки, куницы, соболя, лисицы, выдры и медведя. Эта торговля засвидетельствована целым рядом восточных сообщений X и XI веков" [10, 350].

Первое место в торговле пушниной занимала Русь с ее огромными лесными пространствами. Еще в XУП веке Россия представляла, по отзывам иностранцев, во всей своей совокупности как бы громадный зверинец: нигде в мире не ловится большее количество белок, серых и рыжих, горностаев, куниц, лесных кошек, рысей и т.д. Под самой Москвой речки кишмя кишели бобрами, например, Клязьма, Воря и другие. Рысиными, горностаевыми и беличьими мехами славились в XУI веке Галицкое и Угличское княжества, в XУ веке около Углича еще попадались соболи. Лучшие куньи меха шли из муромских лесов", - пишет С.В. Бахрушин [3, 579]. Останавливаясь на территориальном распространении отдельных видов пушных зверей, Н. Аристов отмечает: "Обилием соболей славились Югра и Самоядь, области, подвластные Новгороду, в Белозерской области около Шексны находились медведи, Двинская земля, нынешний Вологодский край, водились в нем также бобры и соболи. Куницы и бобры встречались в Ярославской земле и костромских пределах. В земле Рязанской и Московской области существовали бобровые гоны" [1, 144].

Меха на Руси широко использовались в качестве теплой, зимней, а иногда просто богатой и дорогой одежды. Известно, что в наряд сокольника при царе Алексее Михайловиче обязательно входила горностаевая шапка [5, 328], богатые люди имели собольи шубы и одеяла,

ходили в куньих одеждах. Горностаи шли на украшение верхней одежды и платья, русские женщины делали из них опушки на платьях и накладки снизу до колен. Из шкуры бобра делались колчаны, из волчьих и барсовых мехов – шлемы [I, I47], шкуры медведей шли на шубы, на полости и на рукавицы, шкуры барсуков – на обивки сундуков и на хомуты [7, 265].

Существует ряд исторических свидетельств и о выплате пушниной различного вида поборов, в частности, дань с новгородских колоний взималась пушниной. На миниатюре Радзивиловской летописи эта дань изображена в виде мехов, связанных "круглым бунтом", т.е. кольцами из ивовых прутьев. По мнению В.А. Арциховского, так всегда связывали куниц. Сведения о выплате оброка пушниной относятся ко временам Киевской Руси. Известно, что в XУ в. владения Кириллово-Белозерского монастыря были обложены пушным оброком в пользу князя, и пошлины за рыбную ловлю в этом районе также взимались белками [I2, 64-65]. В XУ в. в Рязанском княжестве существовали особые "меховые подвозники", которые были обязаны возить на княжеский двор оброчные меха [3, 584]. Подать мехами, как свидетельствуют исторические источники, существовала в некоторых районах Русского государства вплоть до первой трети XУП в. [I2, 68].

Меха, таким образом, являясь неотъемлемой частью материальной культуры, имели широкое хождение на Руси как товар и как особая форма денежного эквивалента, что определило функциональную многозначность ряда наименований мехов, обозначавших также и вид пошлины, и деньги [9]. Функциональная связь мех – деньги находит отражение и в названиях древнерусских монет бѣла и коуна, а одна из этимологий названия белка в русском языке связывает его с серебряной тюркской монетой [6, I94].

Поскольку славяне были в течение долгих веков чуть ли не единственными экспортерами меха, то названия соответствующих животных и их мехов были известны европейским народам именно в том виде, какой был свойственен им в языках славян. По свидетельству Л. Нидерле, "славянские названия куницы и белки (viverra, ναυνάιη) проникли еще до н.э. в латинский и греческий языки" [I0, 349]. Особенно интересен факт функционирования славянских наименований меха на пушных рынках в Ганзе (XУ век).

Этот вопрос разрабатывался рядом исследователей. Так, историк М.Н. Лесников, изучив документы торгового дома Фекингаузенов, пишет: "Мы имеем перед собой, несомненно, очень тонкую дифферен-

циацию сортов, разработанность ассортимента. Где же и кем она была создана? Можно думать, что это в значительной мере дело русских звероловов и купцов. Ни один исследователь, в том числе и немецкий, даже и не пытался вывести номенклатуру этих сортов из немецкого языка. Напротив, все указывают на славянское происхождение большинства названий" [8, 72]. Тем не менее далеко не во всех случаях можно определить, какой мех соответствует тому или иному немецкому наименованию. М.Н. Лесников установил, что названия, содержащие в своем составе - **werk** , указывают на беличий мех [там же, 74]. А.Л. Хорошкевич отмечает, что названия **poppelen** и **shevenissen** фигурировали на ганзейской ярмарке для обозначения сортов беличьего меха - подпаль и шевня [I2, 83]. Остановимся подробнее на этих двух названиях.

Как пишет А.Л. Хорошкевич, **poppelen** - это "беличий мех с некоторыми недостатками и продавался дешевле остальных сортов" [там же]. Она соотносит название **poppelen** с русским подпаль. Что же это за мех? Название подпаль широко представлено в русской деловой письменности XУI-XУП вв.: 300 белки подпали (КДРС, Там. кн. П, I98), 700 векош зелени и подпали (КДРС, Там. кн. Ш, 63), I00 подпали черной (КДРС, Кн. зап. Макар. ярм., 99), сто восемьдесят бѣлокъ подпалеи (КДРС, Якутск. а., к. 3, № I5, сст. 4) и мн. др. Приведенные контексты указывают на то, что речь идет именно о беличьем мехе. Существительное подпаль представлено в словарях также со значением, указывающим на плохой сорт беличьего меха "белка с уже полною, но не прочною шерстью; мездра черная" [I3, 70], "плохая белка с черною мездрою, раннего промысла, недошлая" [Даль, Ш, I94], "щенок или недошлая белка, пойманная в раннем осеннем промысле, имеет шкуру тонкую, волос редкий и низкий" [4, 92]. Значение существительного подпаль в русском языке, однако не ограничивается отнесенностью к беличьему меху. В "Опыте областного великорусского словаря" отмечается: "подпаль - молодой, недорослый и обыкновенно черный бык" [Опыт, I64].

Таким образом, существенно, что в названии подпаль как применительно к молодому быку, так и применительно к беличьему меху содержится указание на черный цвет, правда, когда имеется в виду беличий мех, указание на черный цвет относится не к самому меху, а к его внутренней стороне - мездре, на что последовательно обращается внимание в лексикографических материалах. В современных говорах Сибири, где представлено существительное подпаль, толкова-

ние этого слова также может сопровождаться указанием на черный цвет мездры: "Подпаль – белка с невылинявшей шерстью. У подпали черна мездра" [II, 316][1].

В документах ганзейской ярмарки встречается еще одно название беличьего меха shevenissen . По мнению исследователя ганзейской пушной торговли Л. Штиды, шевней называлось "цельное полотнище сшитых мехов" [I5, 50]. Эта точка зрения нашла отражение и в диссертационной работе И.Н. Шмелевой, посвященной анализу Торговой книги XYI в. [I4, 258]. В Словаре В.И. Даля слово шевня объясняется аналогичным образом: "мех, мешок, два полотнища мехов на шубу или нужное на это число шкурок" [Даль, IУ, 635].

Имеется и другая точка зрения: шевней назывались "отходы при сортировке, брак, может быть даже нецельные шкурки, обрывки или обрезки" [8, 90]. Для доказательства этой точки зрения приводится тот факт, что shevenissen продавалась в бочках большими партиями по I000 штук, по цене в 4 раза уступая "чистой", т.е. обычной качественной белке [I2, 54].

В старорусских деловых памятниках наименование шевня представлено достаточно широко: II900 белки шевни (КДРС, Там. кн. I, 221), I000 векош зелени, I000 векош шевни (КДРС, Там. кн. Ш, I9I), 660 белки шевни (КДРС, Там. кн. Моск. I, 63) и др. Как мы видим, большие цифры, сопровождающие наименование шевня, не вызывают ассоциаций с шубами и полотнищами мехов.

Что касается толкования значения существительного шевня, имеющего место в словаре В.И. Даля ("мех, мешок, два полотнища мехов на шубу или нужное на это число шкурок"), то для иллюстрации указанного значения В.И. Даль приводит такой пример: "Брати пошлины ... съ (бѣлячей) шевне по деньгѣ. Акд." В Предисловии к Словарю сокращение Акд. не расшифровывается, однако цитата почти полностью совпадает с цитатой, имеющейся в КДРС: "А брати ему дворовая пошлина съ тысячи бѣлъки Шувайские и Усткжские по четыре денги, а съ шевни по денги" (КДРС, ААЭ, I, 399). Этот пример мог вполне дать

[1]Номинация беличьего меха по цвету мездры находит отражение и в наименовании синец, или синяя белка, "отличительной чертой которой был по черной мездре беловатый отлив, дающий ей синий цвет" [I3, 72]. Видимо и белка первоначально наименование качественного беличьего зимнего меха с белой мездрой.

В.И. Далю основание для приведенного выше объяснения. Однако при учете дешевизны и большого количества продаваемой шевни этот пример требует, с нашей точки зрения, иного прочтения. Видимо, в тексте пропущено слово с тысячи, которое разумелось само собою, т.е. с тысячи шувайских и устюжских белок и с тысячи шевни.

Таким образом, более убедительна точка зрения тех исследователей, которые считали, что наименование шевня обозначает отходы при сортировке, брак, нецельные шкурки, однако с тем уточнением, что шевни - это не обрывки и обрезки, которые в таможенных книгах никогда поштучно не считались. Скорее всего, здесь речь идет о дефектной, бракованной, порезанной, а потом сшитой беличьей шкурке.

Литература

I. Аристов Н. Промышленность Древней Руси. СПб., I886.

2. Арциховский В.А. Древнерусская миниатюра как исторический источник. М., I944.

3. Бахрушин С.В. Княжеское хозяйство XУ и первой половины XУI в. // Сб. статей, посвященных В.О. Ключевскому. СПб., I909.

4. Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. П. СПб., I894.

5. Забелин И. Черты русской жизни в XУП столетии. // Отечественные записки. I857. Т. II0, кн. I.

6. Корнилов Г.Е. К этимологии русского диалектного векша 'белка обыкновенная' // Этимология I97I. М., I973.

7. Костомаров Н.И. Очерк торговли Русского государства в XIУ-XУП веках. СПб., I862.

8. Лесников М.И. Ганзейская торговля пушниной в начале XУ века. // УЗ Моск. гор. пед. ин-та им. В.И. Потемкина. Т. УШ, вып. I. М., I948.

9. Лукина Г.Н. Названия мехов в памятниках древнерусской письменности XI-XIУ вв. // Древнерусский язык: Лексикология и словообразование. М., I975, с. 56-68.

I0. Нидерле Л. Славянские древности. - М., I956.

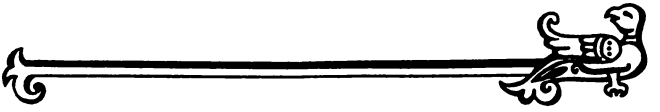
II. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна Оби. Т. Ш. Томск, I967.

I2. Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIУ-XУ веках. М., I963.

I3. Черепанов С. Собрание мало известных слов, касающихся звероромышленности. // Библиотека для чтения. Т. I25. СПб., I874.

I4. Шмелева И.Н. Русская торговая книга XУI в. Дисс. Л., I948.
I5. Штида Л. О различных именах сортов меха в ганзейское время. // Труды IX Археологического съезда. М., I897.

ИРЯ
www.ruslang.ru

Лексикографические материалы

В.В. Калугин

ИЗ ИСТОРИИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ XУП в. (МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИКО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Ограниченное использование рукописных источников, недостаточная изученность профессиональной лексики и техники средневековых ремесел и другие причины привели к тому, что многие термины и специальные значения полисемичных слов или не рассматриваются в исследованиях по исторической лексикологии, или имеют в них неточные, а нередко и ошибочные толкования. Иногда весьма проблематичные предположения, первоначально возникнувшие как рабочие гипотезы, без проверки принимаются как аксиомы и переходят из одного исследования в другие. В связи с этим настоящая статья посвящена некоторым трудным и спорным случаям семантического анализа специальной лексики XУП в.

Заметка, запона, застѢнокъ, засторонки

При изучении древне- и старорусской профессиональной лексики существенное значение имеют внеязыковые моменты. Так, в ряде случаев отмеченные в средневековых описях книги сохранились до нашего времени. Поэтому можно соотнести их конкретные части с теми наименованиями, которые они имели ранее. Напр., специальные значения имен существительных заметка (нач. XУП в.), запона (I627 г.) и застѢнокъ (I577-I578 гг.) не получили толкования в исторических словарях русского языка. Между тем они были употреблены в XУП в. при описании "Евангелия Федора Кошки"[I] и "Евангелия Успенского собора Московского Кремля"[2].

Обрезы "Евангелия Федора Кошки" закрыты тремя серебряными вызолоченными пластинами I-й пол. XУI в. с гравированными изображениями святых. Эти части книжного оклада в описи I64I г. Троице-Сер-

---

[I]Евангелие апракос полный. Кон. XIУ - нач. XУ в. ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304), Ш, № 4 (М. 8654); см. также [I, № 57].

[2]Евангелие апракос полный. Нач. XУ в. Музеи Московского Кремля, Оружейная палата , инв. № II056; см. также [I, № 59].

гиева монастыря названы застѣнками[1]. Этот же термин, однако применительно к покрышкам из ткани, использован в описи библиотеки Спасо-Евфимиева монастыря: "Евангелие тетръ печатное в десть ... застѣнки шиты золотомъ по зелѣному бархату" [2]. Он встречается и в описи книг московской Образной палаты: "Кн҃га в полдесть писмѣнаѧ цр҃ьственнаѧ з застенки в доскахъ оболочена кожею красною ѕ жѣки мѣдными ѕастешки мѣдные ж"[3].

Обрезы "Евангелия Успенского собора" с трех сторон закрыты покрышками из красного бархата с нашитыми золотыми плащиками в виде капель и мелкими жемчужинами. В описи нач. XVII в. они получили наименование заметокъ: "А замѣтки у того Евангилья низаны жемчюгомъ же по червчатому бархату съ дробницами"[4]. В описях 1627, 1630-1633 и 1638 гг.[5] эти же детали оклада названы запонами: "С ст҃ωрωн҃ [Евангелия - В.К.] низаны запѡны жемчюгѡмъ меж жемчюгу дрѡбницы мѣлкие"[6], а в описях 1701[7] и 1725 гг.[8] - сторонниками.

В настоящее время употребление термина застороонки в рукописных источниках выявлено только однажды. Поэтому он не был зафиксирован в исторических словарях русского языка. К сожалению, контекст не позволяет точно определить грамматический род этой лексемы. Имени-

---

[1]Опись Троице-Сергиева монастыря. 1641 г. Загорский Государственный историко-художественный музей-заповедник, № 289, л. 97 об. - 98. Рукописная копия 1919-1922 гг. описи хранится в ГБЛ, собр. Московской духовной академии, доп. (ф. 173), II, № 225.

[2]Опись Спасо-Евфимиева монастыря. 1660 г. ЦГАДА, собр. Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря (ф. 1203), оп. 1, № 29, л. 89об.-90.

[3]Опись Образной палаты. Ок. 1669 г. ЦГАДА, собр. Оружейной палаты (ф. 396), оп. 2, № 595, л. 153.

[4]Описи Московского Успенского собора, от начала XVII века по 1701 год включительно // РИБ. - СПб., 1876. - Т. 3. - Стб. 339.

[5]Там же. - Стб. 473, 510.

[6]Опись Московского Успенского собора. Отрывок. 1630-1633 гг. ГБЛ, собр. Оптиной Введенской пустыни (ф. 214), № 7, л. 40.

[7]Описи Московского Успенского собора... - Стб. 693.

[8]Опись Московского Успенского собора. 1725 г. ГИМ, собр. Синодальное, № 1182, л. 136.

тельный падеж единственного числа может быть как женского – застороонка, так и мужского рода – застороонокъ: "Евангелие напрстольное... застороонки ѕ досокъ и застежки золотые с тѣрским ѳинивтом"[1]. В связи с этим необходимо отметить, что слова застороонки и сторонникъ опосредствованно и непосредственно мотивированы именем существительным сторона – 'обрез книги'.

Итак, рассмотренные термины употреблены в источниках в значении 'часть книжного оклада: декоративная покрышка из металла или ткани у каждого из трех обрезов книги, служащая также для их защиты от повреждения'. Примечательно, что в документах ХУП – нач. ХУШ вв. для обозначения этого специального понятия нередко использовались разные названия. Причем только в описях Московского Успенского собора зафиксировано три синонима.

Заугринъ

Народная ремесленная терминология широко представлена в памятниках деловой письменности ХУІ–ХУП вв. Эти документы в основном написаны скоростью или полууставом, переходящим в скоропись. Наличие большого количества выносных букв, специфичное, иногда сугубо индивидуальное их написание, ошибки писцов и т. п. в ряде случаев даже при отличном знании особенностей данного типа письма затрудняют прочтение узкоспециальных, редких терминов. По преимуществу с этим приходится сталкиваться, когда употребление выявленного слова не известно в других источниках.

Так, в "Подлиннике о книжном переплете" (І-я тр. ХУШ в.) сообщается, что некоторые мастера "полагаютъ в составленіи зелени шижгаль крѣтикъ изугрин [5, І4]. В своих комментариях к тесту этого памятника П.К. Симони [там же , 53] отметил, что "трудно решить, как следует читать "изугринъ": за два слова или за одно, а еще затруднительнее объяснить его ... Нужно ли сближать слово "изугринъ" со сл. "угорский" или выводить из греческого τζιγγιάρι ..., что означает: "венецейская ярь, ярь от меди" ... – решать не беремся: возможно, что слово "изугринъ" испорченное (вероятно, греческого происхождения) или плохо разобрано переписчиком".

П.К. Симони привел фактически все возможные объяснения появления гапакса изугринъ, однако ни одному из них он не отдал пред-

[1] Опись ризничной казны Савво-Сторожевского монастыря. І667 г. ЦГАДА, собр. Савво-Сторожевского монастыря (ф. ІІ99), оп. І, № 20, л. ІІ.

почтения. По всей вероятности, справедливым оказалось последнее предположение исследователя. В рукописных источниках XVII в. нами выявлено употребление термина заугринъ: "Ражгилю терпетину виницѣиского полименту по пуду гумигуту. загрину по чет1. пуда, белил немецкихъ .м. [40] пуд"[1], "Выдато для починки свѣтых икон загрину подзолотника"[2].

Зубчатка

Согласно мнению П.К. Симони [5, 94 и 97], использованный в росписи 1665 г. переплетных инструментов Кирилло-Белозерского монастыря термин зубъчатка стышная, обозначает 'вставленное в рукоятку зубило'. В настоящее время эту точку зрения разделяют и некоторые другие исследователи.

Словообразовательная цепочка рассматриваемой лексемы выглядит так: зуб - зуб-ец - зуб-чат(ый) - зубчат-к(а), т.е. предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом - зубчатый. Этот словообразовательный тип высокопродуктивен в современном разговорном и профессиональном языке. Примечательно, что в русских народных говорах имя существительное зубчатка является наименованием 'зубчатого колеса' [Даль, I, 696].

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что при ручном переплетении книг до сих пор применяется портняжная накатка - 'зубчатое колесо, закрепленное с помощью оси в вилке, оснащенной рукояткой'. Поэтому можно предположить, что в старорусской лексике книжного дела термин зубчатка обозначал 'разновидность колесной басмы, употреблявшейся для тиснения на переплете пунктирных линий'.

Каракса, караксити, каракшенье

В старорусском языке караксой называлось особое приспособление для разлиновки листов. Для ее изготовления использовалась гладко выструганная доска, соответствующая формату книжного блока, тол-

[1] Память о покупке у г. Архангельска и о присылке в Оружейную палату красок и других материалов. 1682 г. ЦГАДА, Архив Оружейной палаты (ф. 396), оп. I, № 20370, л. 7.

[2] Челобитная Барашской слободы И. Украинцева о выдаче ему денег за взятые у него в Приказе Оружейной палаты к живописным и иконописным всяким верховым и приказным делам краски и другие мелкие припасы. 1687 г. - Там же, № 25030, л. 20.

щиной 3–5 мм. По всей высоте доски, в 1–3 см от ее краев, делались вертикальные пары отверстий по одному ряду справа и слева. В дырочки протягивались толстые нити или жилы, которые затем приклеивались к доске. Получившиеся парные линии ограничивали высоту каждой строки и расстояние между ними. Как правило, каракса покрывалась тонким слоем воска, накладывалась на лист рукописи (или помещалась под ним) и прижималась рукой к бумаге. Так на листе выдавливались горизонтальные полосы, соответствующие расположению нитей или жил на доске [5, 43–45; 4, 25–26].

По мнению Е.Ф. Карского, существительное каракса стоит "в связи с греч. χαράττειν –'писать' и испорченным средневековым его отражением charaxare, caraxare [2, 127]. Ср. также греческие слова χάραξ 'кол'; χαράσσω 'царапать, чертить' и функционировавший в сербокохорватской лексике книжного дела термин харакасало 'инструмент для разлиновки целой тетради за один прием' (ок. 1350 г.) [6, 37, № 98].

В рукописных источниках рассматриваемое наименование представлено несколькими вариантами: каракса (нач. XVII в.), коракса (1630г.), корокса (1630 г.) и кракса (1-я тр. XVII в.). Вариант корокса не отмечен в исторических словарях русского языка: "Взѣата корокс̃ы на гс̃дрвъ патр1аршъ кормовои̯ дворец̃" (1630 г.)[1].

Формат книг обусловил появление особых названий инструментов книжного дела. В рукописных источниках известно употребление терминологических словосочетаний каракса въ десть, въ полдесть, въ четверть, въ осьминку (нач. XVII в.) [5, 45], каракса десная (1630 г.) или дестовая (1631 г.) и полудесная (1630 г.) или полудестовая (1644 г.). Этими устойчивыми наименованиями обозначался 'инструмент, применявшийся для графления рукописей только определенного формата: в 2^{0}, 4^{0}, 8^{0} или 16^{0}'. Приведем несколько примеров: "Переплет̃чик҃ петр҃шке ермолаев҃ ѕа двѣ кораксы ѕа десн҃ю да ѕа полудесную три а̃лтна дано" (1630 г.). "Овощног̃ р҂ду торговому чл҃ку сенке ѵванов҃ за каракс҃ дестов҃ю по цен҃ѣ десет̃ денег̃ дано" (1631 г.)[2]. "Патриарша казенного приказу подячем҃ ѵвану

[1] Расходная книга. 1628–1631 гг. ЦГАДА, собр. Патриаршего казенного приказа (ф. 235), оп. 2, № 3, л. 507 об.

[2] Расходная книга. 1628–1631 гг. ЦГАДА, собр. Патриаршего казенного приказа (ф. 235), оп. 2, № 3, л. 507 об.; 815 об.

тарасов҃ ѕа каракс҃ пол҃дестов҃ю что вз҃ята в казенно҃и прика҃з шесть дене҃г" (1644 г.)[1].

Термином каракса мотивирован глагол караксити 'графить каракс҃ой листы тетрадей' (1683 г.), который в свою очередь является мотивирующим словом по отношению к имени существительному каракшенье (1628 г.), коракшенье (1630 г.) 'разлиновка листов книги этим инструментом'. Отметим, что два последних члена словообразовательной цепочки каракса – каракс-и-ти – каракш-ени-е впервые вводятся в научный оборот. Поэтому приведем несколько иллюстративных цитат: Василий Володимерец "кн҃гу росходную нн҃ѣшняго. рч҃в. [1683] г҃ году перевяѕал в де҃сть 1 в новую кожу оболокъ. и тое кн҃гу караксилъ" (1683 г.)[2]. "Переплетчик҃ петр҃ ермолаеву от҃ переплетки и ѕа дѣло от҃ кн҃ги от҃ приходные от҃ девяноста тетратеи и за каракшенье две гривны" (1628 г.)[3]. "Переплетчик҃ петр҃ ермолаев҃ за дѣло от҃ кн҃ги от окладные от҃ цр҃ковные от҃данные и за приклад҃ за боран҃ и за нити и за клѣи и за каракше҃не дано восмь а҃лтнъ две де҃нги" (1629 г.). "Переплетчик҃ петр҃шке олексѣев҃ ѕа переплетку и ѕа кожи и ѕа коракшене и ѕа дѣло ото шт1 кн҃гъ ... дв҃атцат҃ шесть а҃лтнъ четыре де҃нги дано" (1630 г.)[4].

В старообрядческих скрипториях каракса использовалась вплоть до настоящего времени [4, 25–26]. В XIX–XX вв. для ее наименования употреблялись слова керакса [Даль, II, 105], тиракса (Симони, с. 44) и терекса. Впрочем, в "Толковом словаре" В.И. Даля приводится не основное, а вторичное значение имени существительного керакса, образованное метонимическим путем: "Стар. графленый лист, для подложки при письме, обозначающий строки, ныне транспарант, графленка; введена была Петром I, при замене письмоводства на склеенных полулистах, столбцах, письмом дестевыми тетрадями".

В результате метонимического переноса у термина каракса появилось новое значение 'столбец рукописи': "К҃нга правила с҃тых о҃тц҃ пис-

[1] Расходная книга. 1643–1644 гг. – Там же, № 18, л. 433.

[2] Расходная книга. 1683–1684 гг. – Там же, № III, л. 330.

[3] Расходная книга. 1626–1628 гг. – Там же, № I, л. 485.

[4] Расходная книга. 1628–1631 гг. – Там же, № 3, л. 209; 587–587 об.

менаѣа в десть в двѣ каракъсы"[1]. В этом значении слову каракса было синонимично существительное строка: "2 книги Прологовъ, писаны по телятинѣ, въ двѣ строки"(1701 г.) .

Колка

П.К. Симони [5, 94 и 96] со слов московского переплетчика Г.Е. Евлампиева записал такое объяснение термина колка, использованного в росписи 1665 г. переплетной снасти Кирилло-Белозерского монастыря: "В прежнее время назывался колкой - заостренный гвоздь или шило, которым прокалывались книги и сшивались; даже, в прежнее время, накалывалось колкой, и забивались деревянные гвозди и тем держалась книга". Поэтому исследователь предположил, что имя существительное колка мотивировано глаголом колоти 'вкалывать, вонзать' и синонимично слову шило (1665 г.) - одному "из важнейших орудий переплетчика... Подобное же орудийце встречаем и у южных славян, напр., в сербском типике половины XVII же века читаем: "егда обрежеши коломъ ..." [5, 49, 175, 180]. Между тем очевидно, что в приведенном примере употреблено имя существительное коло, а не колка. В сербскохорватском языке XVII в. термин коло обозначал 'обрез, т.е. вставленный в гобель (станокъ 1701 г.) круглый нож для обрезки книжного блока'. Его синонимом было старорусское словосочетание обрѣзъ колесный круглый (1635 г.) [5, 86-88].

Предложенное П.К. Симони толкование получило широкое распространение и нашло отражение в ряде лексикографических работ. Однако в настоящее время есть все основания полагать, что в средневековой лексике книжного дела термин колка имел значение 'басма колесная, т.е. гравированный ролик для тиснения на переплете сплошных орнаментальных полос'. К этому заключению можно прийти в результате анализа следующего контекста: "Тередорщику архипк тимофѣеву ѡт дѣла и за мед что ѡн здѣлал в переплетню переплетчиком івану власову с товарыщі двѣ колки мѣдные да починивал фѧнтовои мѣдноі ѡсмерикъ три алтна две денги да тѣ ж колки рѣзал на немецкоі ѡбразец словолитец іван фоѳанов" (1632 г.)[3].

---

[1]Переписная книга домовой казны патриарха Никона. 1658 г. ЦГАДА, собр. Оружейной палаты, оп. 2, № 1170, л. 359 об.

[2]Описи Московского Успенского собора... - Стб. 738.

[3]Расходная книга. 1631-1632 гг. ЦГАДА, собр. Приказа книжного печатного дела (ф. 1182), оп. I, № 12, л. 89 об.

Само собой разумеется, что на шиле нельзя сделать гравированный рисунок. Между тем накатные ролики, использующиеся в переплетном деле, обычно бывают набасмленными (2-я тр. XVШ в.). Очевидно, термин колка мотивирован именем существительным коло 'круг, колесо' с помощью продуктивного в сфере специальной лексики суффикса -к(а). Следовательно, в профессиональном языке мастеров XIX- нач. XX вв. применялся омоним этого старорусского слова в указанном выше Г.Е. Евлампиевым значении.

Молотъ пленовальный

В росписи 1635 г. переплетной снасти Кирилло-Белозерского монастыря числится "молот болшеи пленовалнои". П.К. Симони [5, 86, 88] предположил, что имя прилагательное пленовальный, по всей вероятности, указывает "на плохую выработку молота (от слова плена - изъян при ковке, когда железо нехорошо сварено), но, может быть, это значит и иное: молот, который плющит в тонкую пленку" [см. также: Даль, Ш, 123]. Согласно мнению авторитетных специалистов В. Мотовилова и Э. Валк-Фалка, молотъ пленовальный - это, по-видимому, "молот для изготовления листового золота (?)" [3, 87].

Понять семантику термина помогает следующее известие: "Купил целовальникъ Гаков власовъ переплетчиком иванъ дерсе камен на чем книги пленоват дал тринатцат алтынъ две денги"[1]. Как известно, при ручном переплетении книг тетради проколачивались особым молотком на плоском камне или специальной наковальне. Эта рабочая операция была необходима для того, чтобы сделать книжный блок более спрессованным перед его шитьем. Так, в росписи 1665 г. переплетной снасти Кирилло-Белозерского монастыря отмечен "молотъ чѣмъ книги колотят" (Симони, с. 95). Кроме того, в ремесленном указе сер. XVШ в. рекомендуется "бить тетради - В.К. на то изготованном камени гладкомъ. молотом от корня и слагать въмѣсто"[2]. В связи с этим есть все основания полагать, что в приведенном выше контексте глагол пленовати употреблен в значении 'проколачивать тетради книги молотком

[1] Расходная книга. 1634 г. ЦГАДА, собр. Приказа книжного печатного дела, оп. I, № 19, л. 33 об.

[2] Ремесленный трактат "Указы о разных статьях..." (80-е гг. XVП в.) с дополнительными рецептами по технике переплетного дела (I-я пол. и сер. XVШ в. - л. 25-25 об.). ГИМ, собр. Забелина, № 450, л. 25 об.

с целью сделать блок более компактным, спрессованным'.

От глагола пленовати образовано с помощью суффикса -льн- имя прилагательное пленовальный - 'предназначенный для выполнения действия, названного мотивирующим словом'. Этот словообразовательный тип продуктивен и в современной технической терминологии. Таким образом, можно считать доказанным, что молоть пленовальный - это молоток с плоским бойком для проколачивания тетрадей книжного блока.

Ящикъ переплетный

В росписи 1635 г. переплетных инструментов Кирилло-Белозерского монастыря упоминается "ящик переплетнои". По мнению П.К. Симони [5, 86, 87], - это "деревянный ящик, где держатся все снасти для предохранения их от растеривания, а также от пыли и ржавчины". Казалось бы, подобное толкование не вызывает сомнений. Между тем в рукописных источниках имеется указание на то, что в старорусском языке слово ящикъ могло обозначать и 'станок для шитья книжного блока'. В качестве подтверждения сказанному приведем следующий пример: "Столяру иванку иевлеву на двѣ доски липовые дѣлат в тѣх досках переплетчику ивану власову Iщик в чѣм кнги печатные вшиват и с подсовом восмь алтнъ две денги дано" (1627 г.)[1].

В переплетном деле повсеместное распространение получил станок, состоящий из широкого основания, двух вертикальных стоек с винтовой нарезкой по бокам доски и надетой на них сверху подвижной планки, поддерживаемой двумя гайками; между планкой и основанием натягивались шнуры, к которым пришивались тетради. Однако известны и другие конструкции сшивального станка. Очевидно, рассмотренный термин употреблялся для обозначения одной из его разновидностей, по своей форме напоминавшей ящик.

Литература

1. Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII-начала XV веков. М., 1980.
2. Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. 2 изд. М., 1979.
3. Мотовилов В., Валк-Фалк Э. Русская переплетная техника и ее тер-

[1] Расходная книга. 1626-1628 гг. ЦГАДА, собр. Приказа книжного печатного дела, оп. I, № 5, л. 163 об.

минология по работам П. Симони. // Raamat - aeg - restaureerimine: Artiklite kogumik 3. Tartu, 1976.
4. Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. 2 изд. М., 1988.
5. Симони П. Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного художества на Руси, преимущественно в допетровское время, с XI-го по XVII-ое столетие включительно: Тексты - материалы - снимки. ОЛДП. СПб., 1903.
6. Стојановић Љ. Стари српски записи и натписи: Фототипска издања. 2 изд. Београд, 1982, Кн. I.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 2 изд. М., 1987. Т. III.

А.Н. Качалкин

КНИГА КАК ЖАНР ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ДОПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ (МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ)

Наблюдения над источниками, обзор понятий, терминологии, связанной с устройством допетровских учреждений, показывают, сколь значительна была роль канцелярии в жизни общества. Русскую канцелярию характеризует высокая культура работы как с точки зрения орудий, материалов, способов письма, так и с точки зрения порядка делопроизводства и хранения документов.

Сведения об упорядоченной, нормированной деятельности канцелярии представляются весьма существенными. Упорядоченность деятельности канцелярии обязательно сказывается на нормировании языка и стиля документа.

Одним из признаков сложившейся нормы языка документа можно считать появление у определенного вида текстов устойчивого имени. Такое имя является смысловой связкой между содержательной и оформляющей частями документа. Связуя оформляющую и содержательную части, название документа наиболее ярко характеризует жанровое, модальное отношение текста к действительности. Через названия документов модальное содержание текста становится способом представления предметного смысла адресантом документа к его адресату.

Состав жанров начального этапа формирования русского документа восстанавливается как по подлинным текстам, так и по их упоминаниям в ранних деловых текстах, а также в летописях - главных па-

мятниках эпохи XI–XIУ вв. В период ХУ–ХУП вв. система жанров выявляется по модальному содержанию, реализованному в различных жанровых формах, и по взаимному отношению жанров путем сопоставления достаточно представительного массива документов, возникших по разным обстоятельствам и отложившихся в разных делах.

В данной статье обращается внимание на такой жанр деловой письменности как Книга. Известна роль Книги как литературных текстов, как сочинений, где реальная жизнь получала специфическое преломление в образной системе произведения. Однако Книга и как деловой текст сыграла немалую роль в формировании культуры не только русской канцелярии, но и общества в целом. Жанр деловой Книги можно определить как 'ведущийся регулярно по распоряжению администратора сводный документ'. Регистрируя факты по определенным хозяйственным, финансовым, кадровым и другим вопросам, Книга компрессировала разнообразную информацию, способствовала повышению уровня развития определенной сферы жизни народа.

Книга – жанр, который отличают определенные модальные признаки. Отношение к действительности выявляется, как и у всех отчетных документов, через прошедшее время; по иерархии текст направляется от младшего к старшему; адресат и адресант выступают представителями власти; источником Книги может являться как предшествующий документ, так и устная речь; отношение текста Книги к предметной ситуации всегда конкретно. В Книгах упоминаются или – реже – воспроизводятся такие документы, как Грамоты, Указы, Наказы, Памяти; Записи, Записки, Крепости, Отписи; Челобитные, Явки. В Книгах могут быть воспроизведены фрагменты из Списков и Книг, могут быть воспроизведены тексты Выписей.

Исключительное разнообразие разновидностей Книг видно из их самоназваний, присвоенных определенным типам Книг в процессе постепенного формирования этого жанра в канцеляриях. Самоназвание – сильный, исключительно насыщенный семантически элемент документа. Через самоназвания, взятые в определенной системе, например, хронологической, открываются целые пласты русской истории. Будучи представителем и заместителем целого документа в деловых и другого рода текстах, самоназвание в его полном объеме позволяет представить проблемно-тематическое содержание, способ составления документа и обращения с ним, источники документа и некоторые другие особенности его содержания и функционирования.

Так, понятия, связанные с порядком создания текста Книги, от-

ражены названиями Заручная, Расписная, Белая, Черная; оригинальность текста – понятиями Подлинная, Прямая; структура Книги, ее формуляр видны из определений Перечневая, Пометная, Статейная.

Названия Книг указывают также на различные источники их формирования: чаще называется автор или составитель Книги, в том числе и коллектив, обычно являющийся и адресантом этой Книги. Таковы Боярские, Государевы, Дозорщиковые, Мирские, Митрополичьи, Монастырские, Таможенные, Холопьи, Церковные и другие Книги. В качестве источника может быть и другой документ, на что указывают, например, определения Грамотная, Кабальная, Указная Книги.

Наиболее разнообразны названия Книг, отражающие их предметно-тематическое содержание. Много Книг связано с материалами писцовых описаний: фиксацией права владения землей, изменения в землевладении, государственного налогообложения подвластного феодалу населения. Это Писцовые, Переписные, Дозорные, Описные, Приправочные, Жалованные, Отказные, Даточные, Отводные, Отдельные, Межевые, Отмерные, Передельные, Раздельные, Размежевальные и другие. Чем актуальнее для государственных интересов та или иная Книга, тем больше у нее разновидностей. Так, только Писцовая Книга представлена следующими ее видоизменениями: Писцовая письма и меры, Писцовая Приправочная и Отдельная, Писцовая отписи и досмотра, Писцовая Межевая и Ободная, Писцовая и посадская, Писцовая мерщиковая, Писцовая разборщиковая и др.

Из других разнообразных семантических названий укажем Вкладные, Данные, Деловые, Заемные, Крестоприводные, Мытные, Отпускные, Платежные, Посевные, Послужные, Приходные, Расходные, Сборные, Сметные, Строельные, Счетные, Ужинные, Умолотные, Хлебные, Ценовные, Ямские и Ясачные Книги.

Потребность и необходимость вести разнообразные деловые Книги отражала известную образованность, просвещенность общества. С целью своеобразного представления различных этапов жизни русского общества через жанр деловой Книги покажем историю формирования и развития Книги и ее наименований в виде хронологической таблицы.

Хронология русской деловой книги (до 1720 г.)

Ранняя дата упоминания (в других текстах)	Ранняя дата самоназвания натурального документа	Определение	Поздняя дата упоминания (в других текотах)	Поздняя дата самоназвания натурального документа
1	2	3	4	5
1189	1189	Деловая	1697	1589
1380		Животная	XУП в.	
1606	1391	Межевая	1713	1698
1391	1391	Межевая ободная		
п.1553–54	1467	Ямская		
1470		Данская	1626	
1497		Крестоприводная	1658	
1536–37	1624	Писцовая	1719	
п.1553–54	1588	Монастырская		
1555		Писцовая и отдельная	1647	
1555		Писцовая и отдельная и приправочная	1559	
1555–56	1623	Приправочная	1696	
1557		Мерщиковая		
	1559	Расписная		1675
	1559	Расписная и запись		
1623	1564	Обыскная		1624
1565	1571	Отписная	1718	
1565		Урядовая		
1566		Верстал(нн)ая	1682	
1569		Весчая		
1569		Записная и отвозная		
1569		Таможенная записная	1655	
	1571	Отдельная расписная		
1571		Вотчинная	1616	
1592–94	1572	Дозорная	1697	1684
1632	1572	Ужинная и умолотная	1679–81	
	1573	Обыскная пустошная		
1573	1573	Устройная отдельная		
	1573	Ямская устройная		1595
1574		Кгорская	1589	

1	2	3	4	5
I574		Судовая		
I577	I575	Вкладная		
I575		Писцовая... отписи и досмотру		
I575–76		Оброчная	I697	
I575–84		Свадебная		
I576		Оценная		
I720	I577	Записная		I666
I578		Данная	I644	
I582		Писцовая ... сошного письма		
I582–83		Сдаточная		
I639	I582–I612	Даточная	I697	
I583	I630	Сотная	I677	
I584		Дозорщикова(я)	I629	
I584–86	I627	Раздаточная	I711	I681
I585		Дворцовая	I671	
I585	I602	Устройная	I701	
I606	I586	Межевая отдельная		
	I586	Отвозная		
	I586	Сыскная и дозорная		I593
I586		Платежная лавочная		
I606	I587	Отдельная	I685	
I587	I596	Межевальная		
I587–88		Доходная	I671	
	I588	Обыскная ... и речи		
I588–89		Охотничья		
I589		Разметная	I712	
	I589	Любовная деловая		
I599	I589	Размежевальная	I699	
	I590	Любовная сказка и расписная...		
I592	I591	Отдельная межевая		
	I591	Разъезжая межевая		
I591		Охотницкая верстальная		
I600	I592	Раздельная	I695	
	I593	Переписная... судным разбойным и татиным делам		

1	2	3	4	5
	1593	Разъездная		
1594	1595	Ясачная	1685	
1595		Митрополичья		
1612	1596–98	Платежная	1681	
1597		Холопская крепостная людская		
	1598	Кабальная служивая		
1598		Записная кабальная	1684	
1623	1598	Отдельная и отписная		
1599		Отдельная межевальная		
1647	XVII в.	Родословная		
XVII в.		Поганая		
1671	1600	Кабальная	1699	
	1600	Окладная и оброчная		
1646	1600	Переписная	1720	1684
1600	1682	Отводная	1621	1686
1600	1603–04	Приходная	1698	
1600	1623–39	Расходная	1645	1676
	1601	Отводная и раздельная		
	1601	Переписная и деловая		
	1602	Отводная и отмерная		
	1603	Отдельная межевая оброчная		
1604		Заемная		
	1606	Отдельная земляная		
1606		Писцовая ясачная		
	1607	... отделу		
1608		Холопья записная		
1609	1688	Окладная	1698	1694
1610		Ясачная окладная		
	1610–11	... государева денежного двора		
	1611	Доездная		
	1611	Отписная и крепостная		
1611		Именная	1709	
1611		Кабацкая	1671	
1612		... князя		
1612		Писцовая оброчная	1650	

1	2	3	4	5
I6I3		Ужинная и замолотная		
I6I3–27		Кормленная	I674	
	I6I4	Холопья кабальная		
I6I4		Дозорная и ужинная и замолотная		
I6I4		Загонная	I6I9	
I6I4		Замолотная	I676	
I6I4–22		Отдельная... отделу	I625	
I6I4–22		Заводная кабацкая		
I6I5		Пошлинная		
I6I5–I6		Приправочная... письма и меры		
I6I5–93		Продажная	I682	
I6I6		Приправочная дозорная		
I6I6		Уставная		
I6I7		Кормовая		
I6I7	I692–93	Перечневая	I687	I702
I6I8	I624	Выдельная		
I622	I6I9	Отказная	I7I3	I704
I6I9		Дачная		
I6I9	I676–77	Разгонная	I678	
I6I9		Сборная и оброчная		
I620		Мытная и таможенная		
I620		Писцовая...письма и меры	I698	
I620		Писцовая и межевая	I693	
I620	I650	Таможенная	I696	
	I620–2I	Приходная... ясачной мягкой рухляди		
	I62I	... острогу		
I622	I7II	Сборная	I7I2	
I623		Дозорная... дозору		
I623		Приходная окладная	I692	
I623		Сотная писцовая	I685	
I623–39		Писцовая и раздельная		
I649	I624	Кабальная записная		
I624		Вотчинная и приправочная		

1	2	3	4	5
1624		Записная вотчинная	1704	
1624		Писцовая дозорная	1655	
1624		Писцовая приправочная		
1624		Указная	1698	
1624–25		Прибавочная		
1625		... отказу		
1625		Писцовая дворцовая		
1625	1656	Строель(нн)ая	1694	1664
1626		Выписная		
1626		Посадская		
1626		Приправочная... дозору		
1626	1650	Приходная и расходная	1718	
1626		Статейная		
1626		Уездная		
	1627	Обыскная и сыскная		
1627		Дворцовая и лавочная переписная		
1627		... дозору		
1627		... справки		
1627		Конюшенная		
1627		Новооброчная	1669	
1627		Отдельщиковая		
1627		Посо́льская		
1627		Четвертная приходная		
1628		Городовая кабальная		
1628		Писцовая ... письма		
1628–29		Расходная и приходная		
1629		Домовая		
1629		Монастырская расходная подможная		
1629		Ценовная		
1630		Окладная расходная		
1630		Писцовая и отказная		
1630		Чиновная	1708	
1631		Приправочная дозорная и дворцовая		
1631		Сошная ...письма и меры		

1	2	3	4	5
1632		Ужинная	1674	
1633		Литейная		
1636		Писцовая сотная	1667	
1636		Холопская		
1695	1638	Передельная		
1640	1640	Третейская межевальная		
1640		Дельная	1640–46	
	1641	Отмерная		
1642		Отдельная и писцовая разборная		
1643		Крепостная	1686	
1643	1673–87	Описная		1704
1643		Описная и дозорная		
1643		Переписная и дозорная		
1644		Перемерная	1671	
1645		Поляничная окупная		
	1646	Сыскная и мерная		
	1646	Сыскная поместная		
1646		Отписная отказная		
1646		Переписная отказная		
	1646–49	... служилых людей		
	1646–49	Приходная хлебная		
	1646–49	Хлебная... приему		
1647		Записная кабальная холопья		
1647		Отказная переписная		
1647		Писцовая и новоброчная		
1649		Мерная	1701	
	1649–50	Записная... явкам		
1650		Сыщиковая		
1650		Уложенная	1665–67	
	1652	Данная и оброчная		
1683	1652–55	Писцовая и переписная		
	1653	... письма и межеванья		
1653		Счетная		
1654		Варничная		
1654		Оброчная платежная		
1655		Записная отказная		

1	2	3	4	5
1655		Монастырская вотчинная		
1655		Монастырская отписная		
1655		Отписная монастырская		
	1656	Слободская строельная		
1657	1657	Товарная	1670	
1657		Вотчинная записная		
1658		Мерная и отказная		
1658		Разрубная	1674	
1658		Стрелецкая платежная		
1658–59	1675	Смотренная		
1659		Дворовая		
	1600	Выборная		
1660		... хлебу		
1660		Кормчая		
	1662	Посевная ужинная умолотная		
1662		Записная ставленная		
	1663	Покупочная		
1663	1665	Сметная	1674	
1663		Церковная	1697	
1664–65		Домовая патриаршая		
1665	1665	Описная и мерная		
1665		Долговая		
1665		Пометная		
1665–67		Насадная расходная		
	1666	Посаженная		
1666		Приходная хлебная		
1666		Столовая		
1666–67		Харатейная	1669–70	
	1667	Отводная и отказная		
	1667	Отдельная и отказная		
	1667	Земская отводная межевая		
1667		Градская	1684	
1667		Записная заявочная		
1667		Записная и отводная		
1667		Костельная	1684	
	1667–68	Издержечная		
1668		Мостовая		

1	2	3	4	5
1668		Отдаточная		
1668		Селитбенная		
1671	1668–69	Хлебная		
1669		Конская		
1669		Новосыскная		
1669–70		Пометная письменная		
1670		Записная дворовая		
1670		Межная		
1671	1715	Доимочная	1707	
1671		Мерная земляная		
1671		Окладная приходная		
1671		Писцовая посадская		
1676	1672–73	Кроельная	1690–91	
1673		Ризная		
1673		Таможенная сборная		
1674–75		Годовая сметная		
1674–75		Денежная приходная		
1674–75		Десятинная		
1674–75		Сыскная мерная и отказная		
	1675	... разбору		
1676		Высыпочная		
1676		Мирская веревная		
1676	1701	Переписная и отводная		
1676		Приходная доимочная		
1677		Отпускная		
	1677	Отъявочная		
	1677	Харатейная старобытная		
	1678	Отказная и межевая разводная		
1678		Заручная	1692	
1678		Переоброчная		
1678		Разводная		
1678		Разрядная	1680	
	1679	Ямская загонная		
1679		Высыльная	1705	
1679		Таможенная долговая	1684	
1679		Таможенная и кабацкая		

1	2	3	4	5
1703	1681	Сыскная		
1681		Писцовая и разборщиковая		
	1682	Записная... продаже скота		
1682		Выводная		
1682		Заговорная (книжка)		
1682		Крестоприводная чиновная		
1682-83		Приправочная и окладная		
1683		Записная сборная		
1683		Монастырская приходная		
1683		Переписная и отводная ризничная		
1684		Записная лавочная		
1684		Записная полонная		
1684		Земская		
1684		... грамот		
1684		...отпускам грамот		
1684		Трибунальская		
1685		Дозорная засечная		
1686		Отводная и отписная	1701	
	1686-89	Почтовая загонная		
1687		Дозорная и писцовая		
1687		Записная и оброчная		
1687		Записная приходная		
1688		Посевная	1698	
1688		Разборная		
1688		Чиновная печатная		
	1689	Оброчная лавочная		
1689		Записная крепостная		
1689		Лавочная и записная	1694	
1690		Мирская разрубная		
	1691	Отводная переписная		
1691		Отказная... отказу		
1691		Переписная перечневая		
1691		Писцовая и устройная		
1691		Устройная писцовая и межевая		
1692		Окладная именная		

1	2	3	4	5
	1692–93	Перечневая... с писцовых книг письма и меры		
1693		Записная...грамотам		
1693		Записная...деньгам		
1693		Межевальная заручная		
1694		Изветная лавочная		
1694		Лавочная оброчная		
1694		Окладная приходная и доимочная		
	1695	Явчая		
1695		Волостная крестьянская		
1695		Крепостная вотчинная		
1695		Окладная волостная		
1695		Окладная доимочная		
1695		Переписная именная		
1696		Записная купчая		
1696		Отписная и мерная и отказная		
1697		Наличная		
1697		Писцовая приправочная дозорная		
1697		Сыскная и отказная		
1697		Церковная		
ок.1698		Перечная		
1698		Переплетная		
1698		Писцовая переписная отдельная		
1698		Приемочные (книги)		
1699		Описная и ценовная		
1701		Мерная заемная		
	1702	Почтовая		
1703		Отписная и переписная		
1707		Окладная ясачная		
1708		Ясачная именная окладная		
1709		Именная приходная и расходная заводская		
1712		Послужная		

1	2	3	4	5
1712		Сборная и приходная		
1713		Писцовая и луговая		
	1714	Описная приходная		
1714		Боярская		
	1715	Посевная ржаная и яровая		
	1715	Сенная		
1720		Провинциальная[1]		

Передельная — 1638 (АЮБ, VI, с. 168–176)

Перемерная — 1644 (Псков.а., с. 88), – , 1671 (АГР VI, с.402)

Переписная — 1646 (Гр. ук. о крест., с. 67); 1600 (Врем. Демид. лиц., 89, с. 121–126) 1720 (Зак. Птр. I, с. 577)

Переписная и деловая — 1601 (Врем. Демид. лиц., 82, с. 138–140)

Переписная и дозорная — 1643 (АЮБ, I, с. 71)

Переписная именная — 1695 (ПДСЛ, № 243, л. I)

Переписная и отводная — 1678 (АГР II, с. 382)

Переписная и отводная ризничная — 1683 (Ант.-Сийск. м-рь, с. 77)

Переписная отказная — 1646 (Бутурл. II № 8, л. II)

Переписная перечневая — 1691 (Кольск. гр., с. 547)

---

[1] Некоторые определения видов русской деловой книги сгруппированы отдельно и сопровождаются сокращенными обозначениями источников для удобства использования. Список сокращений см. в кн.: Качалкин А.Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. Ч. II. Изд. МГУ, 1988, с. 107–119 и Качалкин А.Н. Имя и структура допетровского документа. М., 1989, с. 229–239 (Прим. ред.).

Переписная... судным разбойным и татиным делам	1593 (АЮБ, II, с. 176-186)
Переплетная	1698 (АЮБ, I, с. 407)
Перечная	ок.1698 (Кунг.а., с. 271)
Перечневая	1617 (Писц. д., I, с. 36)
	1692-93 (АЮБ II, с. 140-293)
Перечневая... с писцовых книг письма и меры	1692-93 (АЮБ II, с. 253-260)
Писцовая	1536-37 (Пам. Ряз., с. 30)
	1624 (АГР, II, с. 143)
	1719 (Кн. п. Углич. (доп.), с. 305)
Писцовая дворцовая	1625 (Сторожев, с. 12)
Писцовая дозорная	1624 (Влад. сб., с. 137)
	1655 (АИ, IУ, с. 241)
Писцовая и луговая	1713 (Докл. в Сенате, Ш, с. 295)
Писцовая и межевая	1620 (Ворон. а., с. 3)
	1693 (Барс., № 118, л. 116)
Писцовая и новооброчная	1647 (Вят. арх. дом., с. 53)
Писцовая оброчная	1612 (Ниж. УАК, XI, с. 189)
	1650 (Вят. арх. дом., с. 63)
Писцовая и отдельная	1555 (Акт.кн.колл., № 23, л. 7,8)
	1647 (АГР, II, с. 143-184)
Писцовая и отдельная и приправочная	1555 (ДАИ, I, с. 86)
	1559 (Нов. доп. М.Г., I, с. 142)
Писцовая и отказная	1630 (Вят. арх.дом., с. 118)
Писцовая... отписи и досмотру	1575 (АТН, II, с. 22)
Писцовая и переписная	1683 (Вятск. Усп. м-рь, с. 205)
Писцовая переписная отдельная	1698 (АГР, II, с. 809-821)
Писцовая письма	1628 (Сторожев, с. 307)
Писцовая письма и меры	1620 (Сторожев, с. 65)

Писцовая посадская	1671 (Гр. Дв. П, с. 84)
Писцовая приправочная	1624 (Влад. сб., с. 136)
Писцовая приправочная дозорная	1697 (АГР, П, с. 774–783)
Писцовая и разборщиковая	1681 (АЮБ, I, с. 322)
Писцовая и раздельная	1623–39 (ДАИ, П, с. 136)
Писцовая сотная	1636 (АХУ, Ш, с. 199–200)
	1667 (Мих.-Арх.м-ря а., с. 201)
Писцовая...сошного письма	1582 (Вым. и Выч.м-лы, с. 439)
Писцовая и устройная	1691 (АГР, П, с. 613–621)
Писцовая ясачная	1606 (Кн. прих.-расх. Симб., с. 47)
Писцовая письма и межеванья	1653 (Мож.а., с. 166–215)
Платежная	1612 (Ниж. УАК, XI, с. 189)
	1596–98 (АЮБ, П, с. 261–263)
	1681 (АЮБ, I, с. 52)
Платежная лавочная	1586 (Новг. ям. кн., с. 273)
Поганая	XУП в. (Местнич. справ., XУП в., с. 70)
Поляничная окупная	1645 (Дон.д., П, с. 747)
Пометная	1665 (АИ, IУ, с. 344)
Поместная письменная	1669–70 (Чел. Аврам., с. 65)
Посадская	1626 (Писц. д., I, с. 456)
Посевная	1688 (Дауд.а., с. 70)
Посевная ржаная и яровая	1715 (Тр.-Глед.м-рь, I(П), № 219)
Посевная ужинная умолотная	1662 (Заб. Ик., с. I–10)
Послужная	1712 (Докл. в Сенате, П, с. 187)
Посольская	1627 (АМГ, I, с. 221)
Почтовая	1702(2) (БГК, П, Яросл., № 211)
Почтовая загонная	1686–89(2) (БГК, I, Новг., № 124-а,л.I–18)
Пошлинная	1615 (АЮ, с. 75)
Прибавочная	1624–25 (ААЭ, Ш, с. 228)
Приемочная	1698 (Новолад. п.и., I, № 6)

Приправочная	1555–56 (Акт. кн. колл., № 23, л. 8)
	1679 (ДАИ, УП, с. 282)
Приправочная дозорная	1616 (Писц. д., I, с. 33)
Приправочная дозорная и дворцовая	1631 (АГР, I, с. 330)
Приправочная дозору	1626 (ЧОИДР, 1913, Ш, с. 444)
Приправочная и окладная	1682–83 (Ркп. кн. колл.,I, № 637, стб.10об)
Приправочная и окладная письма и меры	1615–16 (Свир. м–рь, № 161, л. 4)
Приходная	1600 (Сиб.Милл. гр., I, с. 389)
	1698 (Смол. гр. № 14, л. 6)
Приходная доимочная	1676 (РИБ, XXI, с. 831)
Приходная и расходная	1626 (АХУ; Ш, с. 13)
	1718 (Черд. а., с. 122)
Приходная складная	1625 (ААЭ, Ш, с. 203)
	1692 (АГР, П, с. 641)
Приходная хлебная	1646–49 (Якут.п.и., IУ, № 171)
	1666 (Вятск.–Усп. м–рь, с. 101)
Приходная... ясачной и мягкой рухляди	1620–21 (Сиб. Милл. гр. П, с. 259–260)
Провинциальная	1720 (Зак. Птр. I, с. 577)
Продажная	1615–93 (Заб. Дом. быт., I, с. 688)
	1682 (ДАИ, X, с. 94)
Разборная	1688 (Баг. мат., XXXУI, с. 153)
Разводная	1678 (АЮБ, П, с. 160–161)
Разгонная	1619 (АИ, Ш, с. 76)
Раздаточная	1584–86 (Кн. пер. Моск., I, с. 180); 1711 (Докл. в Сенате, I, с. 370)
Раздельная	1600 (Новг.ям.кн., с. 105),
	1592 (Арз.а., с. 59–60)
	1695 (Брян. п.а., № 13)
Размежевальная	1589 (Самокв. д–ты, П, с. 469–470)
Разметная	1589 (Суд. Фед.Ив., с. 35)
	1712 (Докл. в Сенате, П (2), с. 113)
Разрубная	1658 (Строг. столб., № 44)
	1674 (АХУ, XIУ, с. 439)
Разрядная	1678 (Мен. прп., 330); 1680 (РИБ, XXI, с.406)

Разъездная	1593 (Арз.а., с. 74–75)
Разъезжая межевая	1591 (Арз.а., с. 44–46)
Расписная	1559 (Нов. док. М.Г., I, с. 143)
Расходная	1568 (Расх. кн. Обн.м-ря, с.1)
	1600 (Сиб. Милл. гр., I, с. 388)
	1645 (АИ, IУ, с. 20)
Расходная подможная	(АТН, I, № 2)
Расходная и приходная	1628–29 (АМГ, I, с. 225–226)
	1709 (Башк. а., с. 269)
Ризная	1673 (Перепл. кн. Нил. Столб. пуст., л. 1)
Родословная	1647 (Мск. ст. УI, с. 344), ХУП в. (Рдсл., с.1)

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

адвокат 208
Аккерман 21
алкати 75
анекдот 125, 127
арест 208
аристократ 208

бавитися 89
бакшей 206
баллада 125
басня 130, 134
бела 231
белка 231, 233
борода 17
брачное родство 15

везирь (визирь) 200, 202
вексель 208
вервь 40
веселье 81, 90, 91
весёлый 148
вещь 209, 210
вид 123
владение 209
водевиль 134
возврат 123
воображати(ся) 104
воображение (изо-) 102-104
вообразити 103
вспятословие 123
встати 42, 43
въименоместьство 123

гарантия 208
голова (глава) 28-30, 32-49
головник 40
город (град) 19, 20, 209
граб 11
грести 11

двор 165
дело 87, 209
день 12, 13
департамент 208

дом I8
доска 76
достоинство I56
драма I34
дружина I56
дьяк 200-202
дьякон 200
дьячок 200

жадати 75
житие I25

забава 9I, 89, 9I
заметка 237, 238
запона 237, 238
застенок 237, 238
засторонок 237-239
заугрин 239, 240
звание I56, I58
зубчатка 240

игра 8I-89, 9I
играние 82
играть 82, 84, 85
игрище 82
игр(л)ивый 84
идиллия I34
из(д)рядие I23
изобилие I23
изугрин 239
икона I02
имение 209
именотворие (имятворение) I23
инословие I23
иподьяк 203
истина 25
история I27, I28, I34, I38
истукан 97
истукати 97
истщити 74

каракса 240-243
караксити 240, 242
каракшенье 240, 242
класс I56
класти 45, 49
клевретство I56
клятва 46
колка 243, 244
коло 243, 244
колоти 243
коммерческий 2I0
корабль I4
корпус I56
Кременчуг 2I
кремль 20, 2I
куна 23I

лежати 42-44
лечи 42, 45, 49
лихновьное (лихоречье) I23
лице I0I
лицетворье I23
личность 28
луструм I88
любовный I27
людин 36, 39, 40

мадригал I25
мелодрама I34
место 20
мирза (мурза) 200, 203-206
молвить 52
молот пленовальный 244
муж 36-40

набасмленный 244
навь I4
наказание 209

накатка портняжная 240
напотребие I23
народ 209
нестаток I23
неф I4
Нижний Новгород 2I

об 95
обавляти 96
обиноватися 95
обити 95
облагати 95
обледети 96
облещи 96
обличати 96
облюбити 96
обнажити 96
обносити 95
обнощен 95
обнощьница 96
оборити 96
ображати 93, 97
образ 92-I05, I23
обра́за 93
образец 95
обра́зити 93, 94
образитися 93, 94, 96
образник I0I
образописец I0I
образствие I0I
обратити 96
обрез 243
оброти́ти 95
ода I25
(о)дьрати 95
округословие (совратословие) I23
Олимпиас I88
отдание (воздание) I23
отделение I56
отображение 96
отражение 96
отъимение I23

песнь I25
петь 85
писарь 200, 203, 206
плена 244
пленовальный 244, 245
пленовати 244, 245
плуг II, I2
повесть I25, I27, I28, I30, I36, I38
подворник I76, I80
подпаль 232, 233
подсоседник I76, I80
подьяк 203
подьячий 200, 203-205
покора 34
покорменок I80
поречение I23
поругание I23
последословие I23
посмеяние I23
потеха 8I, 85-9I
потешение 8I, 89-9I
потешный 87
похухнание I23
правда 25
право 28
превод I23
премия 9I
преходьное (преступьное) I23
призвание I58
приклад I02, I23
притча I23
приятие I23

работа 87
развлечение 89
рай I3

роман I25, I27-I38
романц I28-I30
рота 46

свет I2
свобода I5
свой I5, I6
свойство I5
семя II
сила 2I0
синец 233
сказка I25, I27-I29, I34
скотоводческий 2I0
слабый I45, I47
слог (прилог) I23
смерть I6
снятие I23
с(о)бор I53
содружество I56
солнце I2, I3
сонм I56
соприятие I23
сослагательный I57
сословие I53-I62
состав I56
состояние I56, I58, I60, 2I0
сотворение I23
стадо I8
стан I8
станок 243
статья I56
стая I8
стебал I7
степень I56
сторона 239
сторонник 238, 239
стояти 42-44
строка 243
суд 209
судья 209

творческий I23
токсический (токсичный) 8
томить I4I, I43
томиться I47
томление I4I
томный I40-I5I
тоска 70, 7I, 76-79
тоскливить 78
тоскливо 78
тоскливость 78
тоскливый 78
тосклить 78
тоскний 79
тоскнIсть 79
тоскно 79
тоскнути 78
тоскнутися 76, 78
тоскный 76, 78
тоскование 78
тосковать 77, 78
тосковаться 77
тоском 76, 78
тоснить(ся) 79
тоснутися 76, 78
тосный 76, 78, 79
тощий 70-72, 77, 79, 80
труд 87
тщавый 73
тщание 80
тщательность 80
тщательный 80
тщати(ся) 70, 7I, 74, 75, 77, 78
тщедушие 79
тщедушный 79
тщета 73, 79
тщетность 79

тщетный 73, 79
тщивый 73
тщина 74
тщити(ся) 70, 7I, 74-77, 79

уголовный 28
управа 67
условие I57, I58
условный I57
утщити 74
учение 2I0

фарс I34

хараксало 24I
хасмата I87
хлебопашественный 2I0
хомут 52, 53
хомутать 52
хомутовка 5I-53, 57, 58, 66, 67

цка 76
цнутися 76

человек 28
чесать II
чивый 73, 76
чин I56
чиноначалие I56
чиноначальчтво I56
чиносостояние I56, I60

шевня 232-234
шило 243

щавствовать 74
щавый 73, 76
щить(ся) 75

эпопея I3I, I32, I37

юриспруденция 208

язычей 200, 203, 205, 206
ящик 245

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДД – Автореферат дисс. ... доктора филол. наук

АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IУ. СПб., I85I.

АКД – Автореферат дисс. ... канд. филол. наук

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIУ – начала XУI в. Т. I. М., Л., I952; Т. П. М., I958.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. П. М., I956.

БАН – Библиотека Академии наук СССР (Л.)

ВВ – Византийский временник. АН СССР. Москва.

ВИ – Вопросы истории. АН СССР. Институт истории. Москва.

ВЯ – Вопросы языкознания. АН СССР. Институт языкознания. Москва.

ГАВО – Государственный архив Вологодской области.

ГБЛ – Государственная публичная библиотека им. В.И. Ленина (М.)

ГИМ – Государственный Исторический музей (М.)

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I–IУ. 2-е изд. СПб., I880–I882 6-е изд. М., I955–I956 .

Даль[3] – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. I–IУ. 3-е изд. М., I903–I909.

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIУ–XУI вв. М., Л., I950.

КДРС – Картотека Древнерусского словаря XI–XУП вв. (М.)

КСлРЯ XУШв. – Картотека Словаря русского языка XУШ в. (Л.)

ИА УССР – Институт археологии АН Украинской ССР

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

НРЛ – Новости русской литературы. М., I802–I805. Ч. I–I4.

Опыт – Опыт областного великорусского словаря. СПб., I852.

ОЛДП – Общество любителей древней письменности.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными, вып. I–5. Л., I967–I983.

Проект ДРС – Ларин Б.Л. Проект древнерусского словаря. (Принципы, инструкции, источники). Л., I936.

ПРП – Памятники русского права. М., Госюриздат. Вып. I. 1952; вып. 2, 1953; вып. 3, 1955.

РЗ – Российское законодательство X–XX вв. Т. I. М., Юридическая литература, 1984.

РИБ – Русская историческая библиотека. СПб.

РИО – Русское историческое общество.

РР – Русская речь. М., Наука.

САР 1847 – Словарь церковнославянского языка. Сост. II отд. имп. Академии наук, т. I–IУ. СПб., 1847.

Сб. Кирши Данилова – Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Изд. подг. А.П. Евгеньев, Б.Н. Путилов. М., Л., 1958.

СБС ХУ–ХУП вв. – Гістарычны слоунік беларускай мовы, вып. I–4. Гл. ред. А.И. Журавский. Минск, 1982–1984.

Словарь Академии Российской – Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. I–IУ. СПб., 1806–1822.

Словарь 1867 г. – Словарь церковно–славянского и русского языков, составленный II отделением имп. Акад. Наук

СлРЯ ХУШ в.– Словарь русского языка ХУШ в., т. I–Ш. Гл. ред. Ю.С.Сорокин. Л., Наука, 1984–1987.

СлРЯ XI–ХУП вв. – Словарь русского языка XI–ХУП вв., вып. I–6. Гл. ред. С.Г. Бархударов, ред. Г.А. Богатова; вып. 7–10. Гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Г.А. Богатова; вып. 11–14. Гл. ред. Д.Н. Шмелев, ред. Г.А. Богатова. М., Наука, 1975–1988.

СлСОПИ – Словарь–справочник "Слова о полку Игореве", вып. I–6. Сост. В.Л. Виноградова. М., Л., 1965–1984.

СлСУМ XIУ–ХУ ст. – Словник староукраінськоі мови XIУ–ХУ ст., т. I, П. Київ, 1977–1978.

Сл. яз. Пушк. – Словарь языка Пушкина. Отв. ред. В.В. Виноградов, Т. I–IУ. М., 1956–1961.

Срз. или Материалы Срезневского – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–Ш. СПб., 1893–1903.

СРНГ – Словарь русских народных говоров, вып. I–19. Гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Ф.П. Сороколетов. Л., 1965–1983.

СРЯ – Словарь русского языка, т. I–IУ. М., 1961–1964.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка, т. I–ХУП. М., Л., 1950–1965.

ССРНГ (Деулино) – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.). Сост. Г.А. Баринова, Т.С. Коготкова и др. Под ред. И.А. Оссовецкого. М., 1962.

УЗ – Ученые записки

ЧОИДР – Чтения в императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Москва.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. чл.-корр. АН СССР О.Н. Трубачева. Вып. 1–15. М., Наука, 1974–1988.

AnzslPh – Anzeiger für slavische Philologie. Wiesbaden/Graz, 1966ff.

PG – J.P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca. Parisiis.

Ph – Philologus. Zeitschrift für das klassische Altertum. Hrsg. von Ernst von Leutsch. Göttingen.

PL – J.P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series latina. Parisiis.

SJS – Slovník jazyka staroslověnského. Československá akademie věd. Praha, 1959ff.

WdSl – Die Welt der Slaven. Wiesbaden, 1956ff.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ч А С Т Ь 2

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ СЛОИ. ТЕРМИНОЛОГИЯ

Алексеев А.А. К истории слова сословие в XVII в. 5

Чайкина Ю.И. Письменно-деловая и обиходно-разговорная речь старорусского города 14

Дюбо Б.А., Коноплина Е.Д. Формирование русской научной терминологии с именами собственными в переводах с немецкого языка первой половины XVII в. 34

Кулмаматов Д.С. Названия лиц, занимавшихся канцелярскими делами, в старых русских переводах среднеазиатских деловых документов XVI в. 52

Петрунин В.О. К истории языка научной прозы XVII в. (Социологическая лексика "Слов" и "Рассуждений" С.Е. Десницкого) 59

РЕАЛИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Махонина М.Н. Исторический аспект лексики наименований мехов 69

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Калугин В.В. Из истории специальной лексики XVII в. (Материалы для историко-терминологического словаря русского языка) 77

Качалкин А.Н. Книга как жанр деловой письменности допетровской эпохи (Материалы для исторического словаря) 86

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ 103

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 108

ИРЯ
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
www.ruslang.ru

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ
ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА

Часть 2

Темплан Института русского языка АН СССР 1989 г.

Подписано в печать 19.12.89. Бумага офсетная
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Усл. печ.л. 6,51.Уч.изд.л.6,43.
Тираж 1000. Заказ 217 /5114 /2.
Цена 1р.

Типография издательства МАИ
125871, Москва, Волоколамское шоссе, 4.

Цена 4 р.